

18+ ЛЕВОН АДЯН

РУССКАЯ НЕВЕСТКА

Левон Адян

Русская невестка. Роман

«Издательские решения»

Адян Л.

Русская невестка. Роман / Л. Адян — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509191-8

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Герои романа «Русская невестка» наделены самыми
естественными человеческими качествами. В центре повествования —
внутренние переживания обычной русской женщины, а также непростые
жизненные ситуации, в которых оказываются персонажи.

ISBN 978-5-00-509191-8

© Адян Л.

© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	9
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	17
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	24
ГЛАВА ПЯТАЯ	27
ГЛАВА ШЕСТАЯ	32
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	37
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	40
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Русская невестка

Роман

Левон Адян

© Левон Адян, 2020

ISBN 978-5-0050-9191-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Село показалось сразу же, как только «газик» на полной скорости залетел на высокий, хотя и покатый холм, поросший редким лесом. Белые домики стояли у склонов, но чуть дальше друг от друга, чем казалось издали, когда создавалось впечатление, будто в селе нет ни одной улицы. Это было слегка непривычно – маленькое одинокое село, словно на краю света, хотя не прошло и получаса, как выехали из районного центра. Елена успела все же заметить широкую улицу, столовую, почту, большой желтый автобус у автостоянки...

И тем не менее, несмотря на близость к райцентру, село, в которое они ехали, казалось мрачным, оторванным от мира, каким-то нереальным...

«Вот здесь мне и жить всю жизнь...» Елена мысленно вспомнила все, что связано было с Арсеном: как они впервые с ее братом Дмитрием приехали к ним в военной форме. Она тогда училась в девятом классе. Вспоминала его письма из армии, из института, признание в любви у калитки и первые поцелуи в березовой роще у извилистой речушки, а потом письма из Карабаха. Она вспомнила его последний приезд месяц назад и тот теплый вечер, когда вместе пошли в кино. Елена смотрела на экран, но ничего там не видела, потому что от Арсена к ней шли какие-то «очень сильные токи», о чем она тихо сказала ему, а он даже не улыбнулся. Ей от этого хотелось и плакать, и смеяться, а в груди покалывало, отдаваясь странной, никогда раньше не испытываемой болью. Елена неожиданно испугалась, чуть не до обморока, думая о том, что Арсен скоро уедет к себе и она никогда больше его не увидит.

– Ты скоро уедешь? – шепотом спросила она, легонько тронув его руку.

– Мы вместе уедем, – ответил Арсен так, будто дело было давно решенное.

Это было своеобразное предложение выйти за него замуж. Потом она взяла его руку и не отпускала до конца сеанса, чувствуя, как зрительный зал вместе с экраном, зрителями, синими лампочками над дверями, лучами света над головами людей – медленно кружится, кружится, кружится... Он тогда сказал: «Вот посмотришь, какой это чудесный рай – наш Нагорный Карабах». И теперь она здесь, где Арсен родился, учился в школе и откуда уходил в армию...

Хорошее настроение, связанное со встречей на железнодорожном вокзале с родными Арсена – с мужем его сестры Мушегом и племянником Гришиком, лет десяти-одиннадцати, – вдруг испортилось. Внезапная острая тоска сжала сердце Елены, тоска по солнечному простору полей, неоглядно стелившихся сразу же за чертой маленького областного городка, где она жила все свои девятнадцать лет, окончила школу, затем педучилище. И только вот сейчас, в эту самую минуту, она поняла, как ей были дороги этот маленький городок Волхов, который даже на карте России не сыскать, их уютный домик с садиком и грубо сколоченным верстаком, на котором Дмитрий вечно что-нибудь да чинит, и наполовину высохшая яблоня посреди двора, и папа – добрый и большой, и мама – строгая, но уступчивая, ни разу в жизни не сказавшая ей грубого слова.

Елена отчужденно, краем глаза, посмотрела на чужого ей Мушега, потом повернулась к Арсену. Тот улыбнулся, взглядом спросил: «Что?»

– Ничего, я просто так...

Это был безотчетный, внезапно свалившийся на нее страх перед неведомым, которое необратимо, стремительно, с бешеной скоростью надвигалось на нее...

Боже, неужели она интуитивно чувствовала, что ее ждет впереди?

– Что с тобой, Елена, почему грустишь? – спросил Мушег.

– Нет, что вы... – Елена попыталась улыбнуться, но улыбка оказалась вымученной, она почувствовала это и отвернулась.

Мушег понимающе пожал плечами и ничего не сказал.

В село въехали, слегка убавив скорость, как бы для того, чтобы Елена успела прийти в себя. Изнутри село оказалось совсем другим: с улицами, по-деревенски кривыми и узкими; одноэтажные и двухэтажные каменные, добротной кладки, дома стояли довольно далеко друг от друга; дворы-огороды были окружены живой изгородью из густо разросшихся кустов ежевики и дикого терна, наполовину скрывавших дома. Веранды и балконы прятались в густой тени фруктовых деревьев.

Привлекательный вид села несколько успокоил Елену.

– А красивое у вас село, издали оно казалось каким-то мрачным.

– Издали многое кажется мрачным, Лена, – отозвался Арсен, догадавшись, о чем она думает, – но стоит подойти поближе... Ну вот и приехали!

Машина остановилась перед деревянной, настежь распахнутой калиткой. Первой из нее выскочила девочка лет пяти в длинном, явно сшитом не по возрасту платье и с ходу бросилась на шею Мушегу.

– Моя младшая, – представил тот, подводя ее к Елене, – зовут Анаит, будьте знакомы.

Однако познакомиться толком не удалось. Из калитки появились еще три женщины и высокий седой мужчина лет семидесяти пяти, но с молодежьим не по возрасту лицом, которого Елена сразу узнала по пустому левому рукаву пиджака. Арсен рассказывал о нем, это был его отец, потерявший руку по самое плечо на колхозной пилораме. Сейчас он стоял, смущенно потирая бритую щеку, не зная, как быть.

– Ты, наверное, узнала папу? – спросил Арсен.

– Узнала. – Елена подошла к свекру и сказала дрогнувшим от волнения голосом: – Здравствуйте, айрик!¹

Елена знала, что так называли его внуки.

Отец Арсена, как-то неловко обхватив ее голову здоровой рукой, не произнес ни слова, неуклюже чмокнул в волосы, чуть выше лба.

– А это моя мать. – Арсен показал на рослую худощавую седую женщину с изможденным лицом, суровость которого несколько смягчала сдержанная улыбка. Она тоже поцеловала невестку, потом сказала по-армянски, обращаясь, однако, не к Елене, а к женщинам, стоящим рядом:

– И говорить-то с ней не знаешь как...

Женщины не ответили, но Арсен, слегка сдвинув брови, произнес:

– Ну, мама, тебе больше нечего сказать? Надо будет, она и по-нашему научится. – И добавил по-русски, снова обратившись к Елене: – А это моя тетка Ануш – мамина сестра. А вот и моя сестра Арфик.

– Вы мама Гришика? Он у вас чудный мальчик, мы с ним уже подружились! – Елена краем глаза успела заметить, как после слов Арсена, которых она не поняла, как и не поняла того, что говорила мать, улыбка на лице свекрови мгновенно исчезла.

– Да, он у нас такой... – с несколько скованной оживленностью сказала Арфик и запнулась, не найдя сразу подходящего слова, а после, как бы желая разрядить весьма напряженную атмосферу, при которой происходило знакомство, взяла Елену за плечи и продолжила: – Что мы тут стоим? А дом для чего? Пойдем!

К удивлению и радости Елены, она говорила по-русски, произнося слова довольно чисто, хотя и со своеобразным выговором.

Все, словно обрадовавшись окончанию церемонии представления, поспешно вошли во двор, поднялись на просторную веранду на первом этаже. Потом Мушег с Арсеном отправились к машине за чемоданами. А когда вернулись, то заметили, что на веранде царит если

---

¹ Айрик – отец (арм.).

и не напряженность, то уж наверняка некоторая скованность. Женщины топтались на месте, не зная, о чем говорить. Вероятно, это была непрошенная неловкость первых минут встречи.

– Чего это вы тут стоите? – спросил Мушег. – Нас ждете? Давайте в дом. Елена, хочешь посмотреть двор?

– Очень хочу, – обрадовалась Елена возможности немного пройтись, но больше стряхнуть с себя эту гнетущую неуверенность.

– Арсен, действуй! – сказал Мушег. – Покажи ей свои владения.

Арсен тоже был рад случаю немного прийти в себя.

– Пойдемте вместе. Гришик, за мной!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Дом был довольно большой, каменный, двухэтажный, с двумя просторными верандами – одна на первом этаже, где были две комнаты и все подсобные помещения, другая – деревянная, опоясывающая с трех сторон, с фасада и с торцов, весь второй этаж. Там тоже имелись две комнаты, в которых, Елена уже знала, будут жить они с Арсеном. Двор оказался достаточно просторным, хотя с первого взгляда казался тесным, так густо он был засажен фруктовыми деревьями и виноградом – крупные кисти зеленых ягод еще дозревали.

Елена остановилась возле одного из кустов, обеими руками осторожно взяла кисть, словно она была сделана из тончайшего хрусталя, ощутив пальцами прохладную плотность крупных ягод.

– Наверное, это смешно, но я никогда не видела, как растет виноград, – призналась она.

– Как нэ видэл? – удивился Гришик. – Савсэм нэ видэл?

– Совсем, Гришик. А много будет винограда вот на этом кусте?

– Много, Лена, – ответил Арсен. – Ладно, пошли дальше, а то скоро позовут в дом.

– Арсен, ты как-нибудь покажи ей колхозные виноградники, – посоветовал подошедший Мушег, – тогда она почувствует, что это такое, хоть впечатление будет.

– Непременно покажу.

– А когда? – У Елены даже глаза загорелись от любопытства.

– Когда скажешь.

– Завтра!

– Ну, завтра так завтра.

Все четверо пошли к дому. Половина двора была отведена под огород с грядками огурцов, помидоров, перца, столовой зелени, лука. А прямо по земле расстилались длинные плети с широкими листьями, взбираясь по зарослям ежевики.

– А это я знаю, это тыква! – обрадовалась Елена. – У моей бабушки Оли в огороде много тыквы росло!

– У тебя и бабушка есть? – спросил Мушег.

– Была, – сказала Елена, – в семьдесят шестом умерла. Она у меня боевая бабушка была. Во время войны в подполье работала по заданию обкома партии, потом, когда фашисты начали ее подозревать, ушла в партизаны. А еще баба Оля во время оккупации у себя скрывала от немцев одного нашего солдата...

– Грузина, кажется, – вставил Арсен, знавший об этом случае от Дмитрия.

– Ага, грузина, он попал в плен вместе с другими бойцами. Немцы их пригнали в село Пчева на берегу Волхова, где раньше жила баба Оля. Это недалеко от моего городка. И там всех расстреляли. Но один случайно уцелел. Вот его и привезли к бабе Оле. Целых три месяца ухаживала за ним, прямо под носом у фашистов, а потом, когда они стали о чем-то догадываться, баба Оля вместе с ним ушла в лес к партизанам.

– У тебя, кажется, есть ее фото в молодости, – сказал Арсен, – ты очень на нее похожа.

– Копия бабы Оли. Я эту фотографию украла у нее, а потом показала маме. Та удивилась: откуда, говорит, на тебе это довоенное платье?.. Ой, а это что? – Елена подошла к участку с несколькими рядами жердей, обвитых тонкими стеблями с большими клейкими листьями.

– Это лоби, – пояснил Гришик. – Ты лоби кушал?

– Лоби? – Елена пригляделась и увидела между листьями зеленые стручки. – Да это же фасоль! У нас продавали болгарскую в банках, мне не понравилось. Но в свежем виде она, наверное, вкуснее бывает, свежую никогда не ела.

– Вот ты сегодня попробуешь, потом поговорим, – пообещал Арсен.

– А вон там что? Сарай?

– Угадала, – кивнул Арсен, – там мой мотоцикл стоит, некогда в порядок привести.

Неожиданно из-за сарая донесся мощный яростный лай. Елена обернулась и увидела огромную собаку – овчарку-волкодава.

– Ах, какой красавец! А зачем вы его там держите? Ему же скучно, да еще на цепи!

– Его конура у ворот, – сказал Арсен. – Действительно, Мушег, почему здесь?

– Боялись, что в первый же день Елену напугает, отец увел его подальше.

Овчарка волчьего серого окраса лежала в тени у изгороди, положив большую, почти квадратную голову с торчащими ушами на крупные лапы, настороженно глядя на непрошенных гостей холодными, как у змеи, злыми глазами. Шерсть на ее загривке поднялась дыбом.

– А можно к ней подойти?

– Лена, не дури, – сказал Арсен, – эта тварь никого не признает, кроме отца.

– Да? – Елена взглянула на Арсена с веселым вызовом. – Гришка, ты тут стой, я сейчас.

– Смотри, цепь длинная, так что близко не подходи, – предупредил Арсен, приготовившись вовремя схватить ее, если надумает опасно приблизиться к псу.

И не успел: Елена вдруг бесстрашно шагнула к овчарке, опустила перед ней на корточки.

– Здравствуй, песик, не знаю, как тебя зовут! Но до чего же ты симпатичный и ласковый, зря только напускаешь на себя строгость, правда ведь, песик? Ты не строгий, правда?

Пес, словно замороженный журчанием ее голоса, медленно встал и, виляя мохнатым хвостом, потянулся мордой к ее руке. Вздрыбленная шерсть на его спине мягко осела. Елена погладила его крупную голову, ласково потрепала могучую холку.

– Да ты же удивительно красивая и добрая собачка, – опять зажурчал ее голос, – люди зря думают, что ты злая. И никакая ты не злая! – Она обернулась к мужчинам. – А вы говорили, что это зверь!.. Он же только притворяется зверем!

Мушег, Арсен и Гришик в явной растерянности переглянулись.

– Черт знает что... – проворчал Арсен. – Он же никого к себе не подпускает...

– Не иначе тут нечистая сила действует, – расхохотался Мушег.

– Наверное, она и есть нечистая сила, – сказал Арсен.

– Правильно, – весело подтвердила Елена. – Ты этого не знал? Меня все кошки и собаки любят!

– В это можно поверить, – сказал Мушег, все еще продолжая сомневаться. – У тебя глаза не наши – синие.

– Кошачьи, – уточнила Елена.

Гришик подергал отца за рукав.

– Пап, а что значит нечистая сила?

Мушег перевел это слово на армянский язык. Гришик покачал головой, не соглашаясь.

– Животные любят добрых, собака тоже. Скажи ей это.

– Она это знает, Гришик, – заверил Арсен. – Она тоже добрая, просто мы шутим. А тебе она действительно нравится?

– Ва! как может не нравиться? Она красивая. Она лучше всех!

– Это ты, брат, загнул... – засмеялся Арсен, польщенный бесхитростной оценкой своей избранницы.

– Арсен, хочешь погладить собачку? – спросила Елена, ничего не поняв из их короткого разговора, поскольку они говорили на своем языке.

– Нет, не хочу, меня к нему на аркане не затащишь... Кстати, тебе тоже хватит, иначе это добром не кончится.

Елена поднялась.

– Ну, песик, меня призывает грозный муж! Но ты не думай, я буду к тебе часто приходить. И вообще, мы с тобой будем друзьями.

Когда она отошла, пес тоскливо заскулил, пошел было за нею, но железная цепь отбросила его назад.

Из-за угла дома выглянула сестра Арсена – Арфик.

– Мушег, тебя отец зовет!

– Иду! Гришик, пойдём.

Когда они ушли, Арсен почувствовал, что прежней живости в Елене нет, она стала сдержаннее. Впрочем, он и сам чувствовал то же самое. К нему вернулась позабытая было скованность первых минут встречи с родными. Он понимал, конечно, что встреча вышла не совсем такой, как хотелось. И все время ждал, что Елена сейчас спросит: «А что там на улице сказала твоя мать и что ты ей ответил, и почему после твоих слов все вдруг стали улыбаться?» Он боялся этих вопросов, напряженно ждал их и не знал, что ответить... Сказать правду, соврать или обратить все в шутку? Нахмутив брови, сказать, что ей не обязательно все знать?.. Они стояли позади дома под большим гранатовым деревом, увешанным недозрелыми плодами. Елена дотрагивалась до них кончиками пальцев, кожей ощущая их шершавую твердость. Арсен хотел начать рассказ о том, как красиво цветет гранат, но раздумал. Очень уж утомительно было долго держаться на фальшивой ноте. Елена, однако, сама спросила:

– А правда, что гранат красиво цветет?

– Да, очень.

Елена коротко, но испытующе смотрела на Арсена.

– Ты, наверное, устал? Пойдем в дом?

Арсен опешил:

– Ты хочешь в дом?

– О Господи... – рассмеялась Елена. – О чем ты думаешь?

– О чем?

– Я не знаю, по-моему, тебя что-то тревожит. Что-нибудь случилось? Ведь, кажется, все было нормально!

– Конечно, нормально! А как еще должно быть?

– Ну, пойдём? Постой, я сейчас сорву несколько огурцов, люблю прямо с грядки!

Она нагнулась, поворошила широкие листья, прикрывающие грядки, сорвала штук пять крупных огурцов и, прижимая их к груди, вернулась к Арсену.

– Меня не будут ругать?

– Будут, – сказал он серьезно. – За то, что мало сорвала, и еще за то, что не умеешь выбирать огурцы.

– Как не умею? – возмутилась Елена. – Смотри, какие крупные, сочные!

– Вот-вот, сочные, сплошная вода и семечки. Они же перезрели! Ты вообще ни черта не умеешь делать!

– Я?.. Не умею? Ну-ка повтори!

Арсен привлек ее к себе и поцеловал в висок.

– Ты – чудо, моя Елена! Маленькое синеглазое чудо.

– Вот это уже деловой разговор. Ну, пошли?

– Пошли, – кивнул он, чувствуя, как волна тревоги медленно его отпускает.

«Да и что, собственно, случилось? – думал он. – Старая женщина сказала то, что действительно чувствовала. Она ведь тоже по-своему права. Лена это поняла раньше меня...»

Уже у самого дома Елена опять остановилась.

– Ой, какая прелесть! Это ваш теленок?

– Ну а чей же, по-твоему?

Она сунула огурцы Арсену и подбежала к полугодовалому теленку с белой звездочкой на лбу, опустилась перед ним на корточки.

– Бычок ты мой маленький, какие же у тебя большие и грустные глаза. Обидели тебя, привязали к этому столбу, а тебе порезвиться хочется, побегать по двору. – Она ласково провела ладонью по плоскому лбу теленка, почесала за ушами. Теленок изогнул шею и достал шершавым языком ее руки. Елена подставила ладонь, теленок стал жадно лизать, от удовольствия даже зажмурился.

– Вкусно?

– Вкусно. От него парным молоком пахнет!

– Ну ладно, Лена, ты еще успеешь с ним наиграться, он у нас парень лихой. Возьми свои огурцы, пойдем.

В дом они вошли вместе. В разных концах довольно просторной комнаты сидели домохадцы – на стульях, на тахте, на старомодном диване с высокой спинкой. Трудно было сразу определить, разговаривали они до этого или молчали. Но вид у всех был примерно такой, какой бывает у людей, собравшихся в ожидании, когда привезут из больницы гроб с покойником. Елена с ходу подошла к свекрови и показала огурцы:

– Мама, посмотрите сами, разве я плохие огурцы нарвала? Арсен говорит, что я не умею выбирать!

Мать, естественно, не поняв ни слова, растерянно повернулась к дочери за помощью. Арфик, смеясь, перевела ей слова Елены. Лицо матери мгновенно расцвело широкой улыбкой. В порыве нахлынувшей нежности она обхватила Елену за плечи и привлекла к себе.

– Арсен не знает, бала джан². Что он понимает в таких делах? Это самые лучшие огурцы в огороде.

Арфик перевела эти слова Елене.

Наблюдая эту сценку, Арсен почувствовал себя счастливейшим из смертных.

– Ну, скажешь тоже... не знает, – проворчал он с притворной сердитостью.

– А я знаю, как по-армянски «не знает»! Чгитэ! Верно? – под общий смех сообщила Елена. – Арсен меня учит армянскому.

Арсен наблюдал за тем, как теплые благожелательные улыбки уверенно расцветают на лицах сестры, отца, матери, Мушега, даже детей.

Появление Елены в этой комнате, казавшейся тесной и темной от множества людей, словно осветило лица и каждый угол помещения. И в то же время Арсен чувствовал себя сбитым с толку. Елена так просто и так естественно назвала свекровь мамой, будто та ее родила, и так непринужденно заговорила об этих злополучных огурцах, что заставила всех смеяться, хотя Арсен мог поклясться, что минуту назад им было не до смеха. Нетрудно было догадаться, что в известной мере Елена играла, лицедействовала (без этого, вероятно, не обойтись), но играть так, чтобы включить в эту игру остальных, заставить их подыгрывать ей... Это сбивало его с толку, и, надо признать, впервые в жизни он понял, что можно чувствовать себя одураченным, радуясь этому... «Но вот что любопытно, – размышлял Арсен про себя, – неужели Елена, играя, обманула всех взрослых людей, поживших на свете и уж наверняка кое-что знавших о жизни? Ведь никто из них не принял всерьез то, что она так запросто назвала свекровь мамой, ибо все знали, что она отдает дань общепринятому, равно как знали и то, что огурцы действительно не самые лучшие в огороде. Да и само появление Елены в комнате... то, что она так просто подошла к матери и с притворно обиженным видом сообщила о том, как Арсен отозвался о ее умении выбирать эти самые огурцы... В чем же дело?» А дело было в том, что ее игра никого не обманула. Просто, как все умные, добрые от природы люди, они почувствовали, что Елена сознательно, поскольку другого пути не было, открыто, не таясь, довери-

---

² Бала джан – ласковое обращение к ребенку (арм.).

лась именно этой, каким-то шестым чувством разгаданной ею, природной доброте этих людей, почти уверенная (иначе не пошла бы на такой риск, хотя бы из опасения показаться пустой и легкомысленной), что они не только правильно поймут, но и примут ее игру. И не ошиблась.

Однако в ту же минуту игра закончилась, за ее дальнейшей ненадобностью.

– Если она не побоялась поехать за моим сыном в такую даль, значит, она настоящая, – сказала мать, как бы подводя итог всему тому, что произошло в течение последнего часа.

И сразу все встало на свои места: женщины и мужчины облегченно вздохнули, расправили плечи, словно наконец-то сбросив с себя тяжелый груз напряженности, который несли до сих пор. Встали, принявшись за хлопоты по приему гостей. Благо день был воскресный, соседи рано возвращались с полей, и те, кому было по пути, не спеша сворачивали во двор однорукого Мисака, чтобы поздравить с приездом сына, посмотреть на сноху (весть о ней каким-то совершенно непонятным образом мгновенно разнеслась по всему селу). Приходили молодые, старые. Одни радушно улыбались при виде синеглазой красивой русской снохи, другие недовольно поджимали губы, а были такие, что вспоминали сноху Кютунц Ивана. Но тут уже ничего нельзя было поделать: не захочешь, а вспомнишь, потому как она, эта сноха, – жена его сына Шахназара, – тоже была издалека и звали ее Наташей. Жила эта самая Наташа в городе Челябинске, где проходил свою армейскую службу Шахназар. Там-то они и встретились и вместе же приехали в село. Иван на радостях закатил такую свадьбу, что сельчане по сей день вспоминают ее, хотя с тех пор прошло без малого пять лет. Прожили в согласии где-то полгода, но сноха чахла с каждым днем, подумывали даже, что она больна какой-то скрытой болезнью. А через полгода, неожиданно для всех, даже для Ивана и его жены тети Баджи, вдруг собралась и уехала к себе в город. На автостанцию в райцентре Наташу проводил ее муж Шахназар. После сельчане при удобном случае спрашивали его:

– В конце концов, что же случилось, почему она уехала?

Шахназар, пожимая плечами, говорил с грустной усмешкой:

– Говорит, не выдерживаю деревенскую жизнь...

– Чего не выдерживала, ты хоть спрашивал?

– Спрашивал, как не спрашивал.

– Ну и что?

– Не выдерживаю, говорит. А что не выдерживает, сама не знает. Все не выдерживает.

И люди здесь не такие, и моря нет, и хлеб не тот, и вода не та.

– А какие тут люди? Вроде обыкновенные: голова, два уха, ну и... все остальное.

– Дикари мы, в каменном веке живем, говорит, цивилизации нет, хлеб недельной выпечки жуем.

– Неделной? Это она верно заметила. А ты бы сказал: мол, в соседнем селе пекарню строят, скоро хлеб будут поставлять на машинах, каждый день. Или говорил, тоже не помогло?

– Говорил... да что там, говори – не говори, раз не нравится, значит не нравится.

– Стало быть, вы ругались?

– Ругались, как не ругались. Тихо ругались.

– Как это, тихо ругались?

– Она нас учила жить по-своему, а мы ее – по-нашему. Вот и ругались тихо.

Сельчане почесывали затылки: сто лет жили, хлеб сеяли, скот выхаживали, скалы долбили, чтобы воду добыть, сады разводили, земле челом били до седьмого пота... Думали, так надо жить, и детей своих приучали к тому же, а выходит, ошибались: не так жили, без цивилизации, теплой уборной не было – вот в чем беда наша!

Вот эту самую Наташу и вспоминали сейчас сельчане, потягивая чай с конфетами. Вслух, правда, об этом не говорили, чтобы не обидеть хозяев, но на ум приходила именно она. Женщины разносили чай, принимая поздравления односельчан, которым тут же давали листок

бумаги, на котором под диктовку отца Арфик писала текст приглашения на свадьбу. Приглашение принимали, не читая, засовывали в карман и спрашивали:

– Когда?

– В среду.

– В среду можно. – И опять принимались за чай.

Пили много, по три-четыре стакана за присест, пока рубаха на груди да лопатках не взмокнет дочерна; после этого стакан переворачивали, оставляя его на блюде вверх дном, что означало: все, напились, больше не требуется. Потом степенно надевали шапки и уходили.

Елена несколько раз порывалась тоже разносить чай, но женщины не дали.

– Ты еще успеешь намаяться, лучше отдохни с дороги, поднимись наверх и выпишь хорошенько.

Елена не противилась, но идти отдыхать отказывалась, интуитивно догадываясь, что, хоть советуют они совершенно искренне (у нее действительно был очень усталый вид), если она оставит гостей и поднимется спать, это может произвести на всех неблагоприятное впечатление. Если бы ее спросили, почему она так думает, она, вероятно, не смогла бы ответить более или менее вразумительно (ее «шестое чувство» сегодня хотя и действовало с некоторой перегрузкой, но срабатывало безотказно).

Поздно вечером молодые, почти насильно выпровоженные матерью, поднялись наконец к себе. Едва успев лечь, Елена мгновенно уснула, сумев лишь произнести:

– Господи, до чего я устала...

Утром она сквозь сон услышала голоса. Открыла глаза, машинально потянулась было к Арсену, но его на месте не оказалось. Она прислушалась – голоса доносились со двора. И были они какие-то смутно-тревожные, особенно громко звучал мальчишеский голос Гришика.

Елена быстро оделась, вышла на веранду, посмотрела вниз во двор, но увидела лишь Арсена, неторопливо поднимавшегося по лестнице. Он был чем-то расстроен.

– Уже встала? – спросил он, сияясь улыбнуться. – Поспала бы немного. Еще рано, только начало седьмого. – Он поцеловал ее в щеку, но поцелуй получился какой-то машинальный. – Иди еще поспи, Лен.

– Я уже выпалась, – ответила она коротко, изучающе глядя на него. – Там что-то случилось?

Арсен с напускным равнодушием пожал плечами:

– Да пустяки. Ночью теленок запутался в веревке и чуть не отдал концы.

– Как запутался? Спасли?

– Нет, спасти не удалось, прирезали.

– Ой... Да ты что? Как это?

– Да ты не думай, Лен, все равно его завтра к свадьбе собирались прирезать. Ну, днем раньше, днем позже, какая разница... Ты что, плачешь? Да тебя же засмеют, если узнают!

– Бедненький, он был такой красивый, доверчивый... – Елена всхлипнула, отвернулась и прошла в комнату.

Арсен пошел следом, сказал, ласково поглаживая ее плечи:

– Да ну, глупости, Лен, теленок как теленок, твоих слез не стоит. – Он ткнул пальцем в Машку-неваляшку, что стояла на подоконнике, она тренькнула и легла на бок, опять тренькнула и встала. – Видишь, даже Машка над тобой смеется.

Лена посмотрела на Машкину румяную мордочку с круглыми озорными глазами и улыбнулась.

– Но ведь ты тоже был расстроен, я видела, когда ты сейчас поднимался, – сказала Елена, принимаясь расчесывать волосы перед зеркалом. И в зеркале же увидела, как у Арсена слегка, почти незаметно, дрогнули брови.

– Фантазерка ты, Ленуль, – сказал он ворчливо. – Послушай, хочешь я тебе село покажу? Мне к директору нужно съездить, отчитаться. Хочешь?

– Хочу!

Они спустились во двор, Елена обогнула дом.

– Пойдем, позавтракаешь... Ты куда?

– Пойду поздороваюсь, – сказала Елена, не оборачиваясь. В этот момент Гришик выскочил из дома и побежал к ней, словно давно ее подстерегал.

– Гришик, здравствуй, родненький, со вчерашнего дня не виделись! – Елена обвила рукой шею мальчика. Гришик охотно прижался к ее боку и пошел рядом. – С сегодняшнего дня мы начнем друг друга учить: ты меня армянскому, я тебя русскому, ладно?

– Да, – обрадованно кивнул Гришик.

Мушег и отец Арсена возились под большим тутовым деревом позади дома.

На нижней ветке дерева висела, привязанная за заднюю ногу, полуосвежеванная туша телят.

– Доброе утро, – приветствовала их Елена.

Мужчины, обернувшись к ней, заулыбались.

– Доброе утро, Елена, – сказал Мушег. – Почему так рано встали?

– Я прекрасно выспалась. – Она взглянула на тушку телят. – Бедный малыш! Как же это случилось? Веревка, наверное, короткая была, да?

Арсен на армянском сказал отцу, что Елена плакала. Тот засмеялся, посмотрел на Елену, покачав головой, что-то сказал.

– Отец говорит, для того скотину и держат, чтобы при необходимости ее использовать; если из-за каждого телят плакать, слез не хватит, – перевел Арсен.

Дед Мисак был от природы человеком стеснительным, он немного знал по-русски, но не настолько, чтобы вступать в разговор, поэтому предпочитал либо молчать, либо говорить на армянском.

– Нет, айрик, если бы я его вчера не видела, мне не так жалко было бы, – сказала Елена. – Вчера я подходила к нему, гладила, и он меня лизнул в руку, я даже сейчас чувствую теплую шершавость его языка...

В этот момент к ним подошла тетка Ануш, высокая, сухая, с поджатыми тонкими губами, она принесла и поставила перед Мисаком ведро воды, даже не взглянув на Елену, которая, впрочем, заметила это, но, обращаясь к ней, сказала просто:

– Доброе утро, тетя Ануш!

Та лишь что-то пробурчала в ответ, не разжимая губ, и, повернувшись, пошла было прочь, но, отойдя на несколько шагов, оглянувшись, сказала по-армянски:

– Гришик, не стой там, иди домой!

– Э-э-э, почему? – воспротивился мальчик. – Я не хочу домой.

Мушег недовольно взглянул на Ануш.

– Он нам помогает здесь... а что дома будет делать? Гришик, возьми у деда кружку и полей мне на руки.

Елена с недоумением смотрела то на Мушега, то на уходившую недовольную тетку, то на Арсена. Последний делал вид, что ничего не замечает, стараясь не глядеть на Елену. Потом решительно сказал:

– Ну что, пойдем, Лена? Иди позавтракай, и пойдем.

– Пока не хочется.

– Тогда пойдем.

– Куда это вы собрались? – спросил отец.

– Хочу показать ей село, да и мне надо к директору зайти. Ну, пошли?

Елена повернулась к Арсену, посмотрела на него чуточку дольше, чем надо, потом сказала:

– Пойдем, только переоденусь.

Вернувшись в свою комнату, Елена остановилась в дверях и задумчиво посмотрела вокруг. Уже знакомая со вчерашнего дня смутная тревога опять начала окутывать ее сердце...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Тот же выгоревший «газик», за рулем которого на этот раз был Арсен, – это была его служебная машина, – медленно выехал со двора. Елена сидела рядом с мужем и во все глаза смотрела в окно.

– Ты куда-нибудь спешишь? – спросила она.

– Не очень. Ты хочешь посмотреть село?

– Интересно же...

– Тогда поедем на малой скорости. – Он повернул руль вправо, вывел машину на широкую, всю в ухабах и лужах улицу. – Это вот наша, так сказать, центральная улица.

– Вот эта? А как она называется?

– Никак. Просто улица. Не называть же Невским проспектом!

Солнце только что выглянуло из-за ближней горной гряды, позолотив дома и склоны далекого Мрава-сар³. Косые теплые лучи били в переднее стекло машины. Елена невольно жмурилась и морщила нос, чтобы не чихнуть. По обеим сторонам «центральной улицы» причудливо перемежались одно- или двухэтажные добротные каменные дома и приземистые, построенные еще в начале века глинобитные мазанки с подслеповатыми, крохотными, как верблюжий глаз, оконцами. Перед каждой мазанкой был тони́р, напоминающий игрушечный вулкан с кратером, полуметровым конусом возвышающимся над землей.

– Пстой, что это? – спросила Елена.

– Тони́р.

– Что?

– В них пекут хлеб.

– Как? В этих ямах?

– В них разжигают огонь, и когда стенки раскаляются, на них лепят тесто. Ты же вчера ела.

– А я думала, их пекут в печах, как в русских деревнях! А можно посмотреть? Ты мне обязательно покажешь, да? – Но тут ее внимание привлекло другое. – Ой, Арсен, посмотри, ослик! Живой ослик! Настоящий! Какой симпатичный!

Возле покосившегося, с закопченной дверью хлева стоял серый с белым брюхом ослик и беззвучно постукивал метелкой хвоста по задним ногам.

Он был привязан к валявшейся на боку повозке без колес. Тут же, в пятнадцати шагах от ослика, возвышался недостроенный Дом культуры, вполне современной постройки, немного даже щеголеватое архитектурное сооружение, выложенное розовым местным туфом. И самое странное было то, что рядом с этими мазанками, арбой, тонирами, осликами оно не смотрелось как нечто чужеродное, а вполне гармонировало с ними. Куда бы ни глянула Елена, повсюду видела эту прелестную смесь добротной национальной архаики и прочной, устоявшейся современности. Вот она, современность – ползет по тесной улочке, лязгая гусеницами, в солярочном чаду в образе мощного бульдозера, на повороте едва не зацепив симпатичного ослика, но вовремя свернув в сторону.

Водитель бульдозера, загорелый до черноты парень, в соломенной шляпе и зеленой безрукавке, приветственно помахал Арсену. Бойко проскочила перед самым носом машины розовощекая старушка в красно-синем живописном национальном одеянии, неся на плече плоское деревянное корытце, в котором двумя стопками возвышались круглые, с румяной корочкой,

---

³ Мрава-сар – гора в Карабахе.

только что испеченные хлебцы, душистый аромат которых Елена почувствовала даже на расстоянии. Арсен притормозил машину.

– Бабушка Майко, куда же ты лезешь под колеса? Умирать тебе еще рано!

Старуха, повернувшись, пригляделась:

– Вуй, Арсен? Это ты? Гости у меня, сынок, тороплюсь. – Позвякивая серебряными монетами, свисающими на лоб из-под черного головного платка, старуха подошла к дверце машины. – Здравствуй, бала! – поздоровалась она с Еленой и как-то неловко выдвинула вперед плечо с корытцем. – Возьми парочку, сынок, еще горячие, с сыром поешьте.

– Спасибо, бабушка Майко, хватит и одного, – сказал Арсен, взяв хлеб.

Но старуха настояла на своем, пришлось взять второй.

– Спасибо, бабушка, – сказала Елена, с ходу отламывая большой кусок обжигающего пальцы ароматного хлеба. – Умереть можно, до чего вкусно пахнет!

Когда немного проехали, она спросила:

– Ты ей заплатил?

– За что? – не понял Арсен.

– Как за что? За хлеб, конечно!

– Да ты что, Лена?! Так и обидеть старушку недолго.

– Чем обидеть? Разве она не продавала хлеб?

– Да нет же!

– А чего она ходит по улице с корытцем?

– Просто у нее нет тонира, она к соседке ходила печь. И вообще, Лена, запомни: если встретишь женщину и она предложит тебе свежесдобитый хлеб, не смей отказываться – обидишь...

– Вот это да! – восхитилась Лена. – Просто чудесный обычай. У нас такого нет! – Она откусила хлеб и, зажмурившись от наслаждения, даже застонала: – М-м-м...

...Колючие зеленые изгороди из зарослей ежевики и дикого терна, а рядом – аккуратненькие, крашенные, с заостренными концами штакетники, по ту сторону которых плодовые деревья – тутовые, орех, гранат и, конечно, кусты винограда.

– Как тут много винограда! – воскликнула Елена.

– Да, почти в каждом дворе, – кивнул Арсен, – в иных домах раньше до восьмисот литров вина получали.

– Как?! И все выпивали? – У Елены даже глаза округлились. – Все сами?

Арсен сказал улыбаясь:

– Не бойся, Лена, пьяниц у нас не водится. Даже пьяные – редкость.

«Газик» остановился у большого двухэтажного здания, отделанного все тем же розовым туфом.

– Ну вот мы и приехали, – сказал Арсен, вылезая из машины. – Здесь наша дирекция.

У подъезда стояла новенькая «Волга» песочного цвета, сверкающая лаком и никелем, а чуть в стороне от нее привязанная к дереву оседланная лошадь лениво помахивала хвостом, отгоняя донимавших ее оводов. Двое мужчин о чем-то разговаривали, стоя по обе стороны от мотоцикла с коляской.

– Пойдем, – позвал Арсен Елену.

– А может, я тебя здесь подожду? – робко проговорила она, косясь на мужчин.

– Должна же ты познакомиться с людьми!

Елена нехотя вышла из машины. Один из мужчин кивком поздоровался с Арсеном и, пройдясь оценивающим взглядом по Елене, куда-то заспешил. Другой, рослый, богатырского

сложения, примерно одного возраста с Арсеном, одетый в солдатскую гимнастерку с закатанными рукавами, покачивая саженными плечами, направился к ним.

– С приездом тебя, – сдержанно сказал он и, растягивая губы в улыбке, пожал Арсену руку. – Ну, как съездил? Вижу, с пользой... – мужчина кивнул в сторону Елены.

– Познакомься, Лена, это Рубен Григорян, наш бригадир виноградарей.

Рубен сверху вниз нерешительно поглядел на Елену, не зная, как позжать ему эту протянутую хрупкую ручонку, чтобы ненароком не повредить ее, потом все же рискнул и легонько пожал.

– Как у вас дела? – спросил Арсен.

– Да вроде все нормально. Ты еще не был в бригадах?

– Нет, только собираюсь. А как там мой молодняк у Большого оврага?

– Хорошо, – заулыбался Рубен, – лоза прет вовсю! У тебя рука легкая, Арсен, добрый будет урожай у Большого оврага.

– Ну, это еще не скоро. Директор у себя?

– Полчаса назад уехал.

– Куда? Вон же его «Волга».

– Он на «уазике» уехал.

– Значит, он где-то здесь, недалеко. Ладно, мы поедем.

– Где тебя ждать?

– Я сейчас на Большой овраг, а оттуда проеду по бригадам. Во второй и встретимся.

Рубен кивнул и пошел к своему мотоциклу.

– Поехали, Лена, – сказал Арсен, беря ее за руку.

– А далеко ехать? – спросила она, садясь рядом с мужем.

– Минут десять.

Все эти десять минут машина шла все вверх и вверх по каменистой дороге, серпантинном выходящей по склону. На одном из поворотов Елена обернулась назад и увидела село. С этой высоты оно выглядело игрушечным: белые кубики домов издали казались пришитыми друг к другу зеленью деревьев.

– Ну и дорога же тут! У меня даже голова закружилась.

– Привыкай, Елена, и чем скорее, тем лучше.

Справа от обочины, на вершине холма, стоял обелиск.

– А вон там что? Братская могила? – спросила Елена.

– Здесь увековечена память наших односельчан.

Арсен подрулил машину к высокому обелиску из серого гранита. По сторонам его подножья стояли две большие каменные чаши, в которых двумя огромными неувядающими букетами цвели розы.

Они вышли из машины, остановились у обелиска. Елена хотела прочитать надпись, но она была на армянском языке.

– Что там написано? Переведи, пожалуйста.

– Как обычно: «Вечная память павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины в годы Великой Отечественной войны»... Понимаешь, из нашего села ушли на фронт триста шестьдесят четыре человека, среди них четыре девушки. Вернулось только сорок два. Все четыре девушки тоже погибли. Вот такая выходит штука, Лен...

– Какой ужас... – тихо произнесла Елена. – Из такого маленького села...

– В те годы село было еще меньше. Так что почти все мужское население полегло. Из одной семьи на фронт ушли семь братьев, шестеро из них не вернулись, в другой семье погибло пять человек, в третьей – четверо, и так далее.

Елена подавленно смотрела на обелиск. Арсен ее не торопил.

– Просто ему непостижимо, за тысячи километров от фронта.

– Война была везде, Лена, по всей стране.

– Господи, неужели это может повториться? Люди в мире как будто обезумели. Возьмешь в руки газету, а от нее на тебя атомной войной пахнет, страшно даже... Как ты думаешь, война может быть?

– Ты представляешь, недавно сон видел: будто вот оттуда, со стороны Мрава-сар, вдруг появляются самолеты, не один, не два, а много, очень много. Крылья у них блестят, сверкают от солнечных лучей, потом начинают сбрасывать бомбы, горят дома, пшеничные поля, все вокруг горит. Крик и плач, неразбериха, и, представляешь, бомбят-то наши, советские истребители бомбят, свои – своих же граждан, ужас какой-то... Вот такой страшный сон видел. По поводу войны я думаю, что, наверное, у человечества все-таки хватит ума не начинать ее. Во всяком случае надо постараться, чтоб ее не было.

– Баба Оля мне много рассказывала про войну, про оккупацию, про свою подпольную работу, о расстрелах, которые учиняли фашисты. И знаешь, часто вспоминала про того спасенного грузина. «Где-то он сейчас, жив ли, нет ли?» Переживала как о родном сыне. – Елена потеряла лоб, пытаюсь поймать утерянную нить разговора. – О чем это я? Да! Вот сейчас я смотрю на этот памятник, вспоминаю рассказы бабы Оли – и такими мелкими, смешными кажутся наша каждодневная суета, склоки, скандалы из-за тряпок, из-за разбитой чашки, из-за лишнего рубля... Разве гибели стольких людей мало, чтобы те, кто уцелел, стали добрее, чище?!..

Арсен смущенно пожал плечами.

– Не знаю, Лена, это слишком сложный вопрос, чтобы на него ответить с ходу... Ну что, поедем дальше?

Елена молча повернулась и пошла к машине.

Арсен остановил машину на обочине. Впереди стоял новенький «уазик» без тента. Директор совхоза не любил ездить под тентом, не выносил запаха перегретой на солнце резиновой ткани.

– Лена, ты выйдешь или хочешь отдохнуть в машине?

– Ну что ты! – Елена поспешно вылезла. – Ах, какой воздух! Мятой пахнет! – Она взяла Арсена под руку. – Ну, показывай!

– Что показывать? Все перед тобой. Отсюда начинается мое хозяйство.

В первую минуту Елена была разочарована. Перед ней раскинулось поле, одним краем взбегая вверх по довольно крутому склону и теряясь где-то за гребнем горы, а другим – уходило вниз, к подножью, сливаясь с редколесьем. Поле было распаханно, его разрезали прямые, как по линейке, ряды молоденьких саженцев с только что поднявшимися первыми, еще неокрепшими, ломкими веточками, с крохотными букетиками нежных бледно-зеленых, пока не набравших силу, листочков на них.

– Вот они, малышки! – сказал Арсен, разведя руки так, словно собрался заключить в объятия всех «малышек» разом. – Ну как, Лена, хороши? Тебе нравятся?

– А что это?

– Мой новый сад! Мы его осенью посадили. Здорово, правда?

– Здесь будет расти виноград?

– Года через три получим первый урожай. Отменный будет виноград. И самое интересное, Лена, здесь только абoriginalные сорта.

– Какие? Что такое – абoriginalные сорта?

– То есть местные. Их давно забросили...

– Почему? Они были плохие?

– Замечательные! Только, понимаешь, у них выход был небольшой.

Елена была в отчаянии.

– Господи, что такое «выход»?

Арсен растерянно посмотрел на нее, потом, сообразив, в чем дело, расхохотался.

– Ты что же, хочешь в первый же день все сразу узнать?

– Да, хоть немножко... Ты так увлеченно говоришь об этих палочках, что завидно становится...

– Это не палочки, а саженцы... Что же ты хочешь знать?

– Ну вот хотя бы... зачем ты посадил эти самые, ну, местные... как ты сказал? Або... ригенные. Зачем ты их посадил, если у них... опять забыла... да, выход небольшой? А где он, этот выход, – не знаю. Смотрю вот на саженцы – все вроде целенькие, никакого выхода...

Все это было сказано Еленой с таким наивным простодушием и с таким искренним страданием из-за незнания столь простых вещей, что невольный смех, рвавшийся из Арсена, замер, так и не выбравшись на волю.

– Когда-нибудь я все подробно объясню, Лена, ты только не спеши. А сейчас давай-ка я тебя познакомлю с директором нашего совхоза Габриелом Балаяном, вон он идет к нам, – Арсен кивнул в сторону грузного мужчины в чесучовом костюме, спускавшегося по склону между рядами саженцев.

– Он больше похож на учителя литературы, – прошептала Елена, норовя спрятаться за спину мужа. Но Арсен, посмеиваясь, выталкивал ее вперед. Директор подошел, поздоровался с Арсеном, потом вопросительно посмотрел на Елену.

– Вы...

Елена ошеломленно глянула на Арсена. Тот улыбнулся и представил ее:

– Знакомьтесь, Габриел Арутюнович, моя жена Елена.

Директор совхоза смешался.

– О, черт, совсем из головы вылетело! Мне же сказали, что ты из отпуска вернулся с красоткой женой. Ну, поздравляю! – И неожиданно заговорил на русском языке, но с акцентом: – Здравствуйте, очень рад. Надеюсь, вам у нас тоже найдется подходящее дело. Но об этом говорить рано, пока осваиваетесь... – Он озабоченно взглянул на часы. – Послушай, Арсен, меня вызвали в райком, так что поговорить не удастся, срочно еду. Вечером, если вырвусь пораньше, встретимся.

Он повернулся к Елене:

– Ну, как вам нравятся наши места?

Елена ответила, что места бесподобные, в жизни не видела такой красоты.

– Вот поживете у нас, не то увидите. – И директор обратился к Арсену: – Ты ее почаще выводи в горы, пусть привыкает к ним.

– А разве здесь не горы? – удивленно сказала Елена, вызвав смех у обоих мужчин.

– Здесь не совсем горы, – сказал директор, показав рукой на горы в лиловой дымке, окружавшие село, издали напоминая мгновенно застывшие океанские волны. – Вам надо поехать вон туда. – Он снова посмотрел на часы и сказал уже деловым тоном: – Ну что, Арсен, прошелся я сейчас между рядами... Тебе не сказали, что я сюда часто стал приезжать?

– Я еще никого не видел. Ну, как вам наш молодняк?

Балаян немного подумал, потом сказал, посмеиваясь:

– Помнится, год назад я обещал рекомендовать тебя на свое место, когда уйду на пенсию. Помнишь?

– Ну?

Ответил он, почему-то обращаясь к Елене:

– Так вот, Елена, скажите своему мужу, нашему главному агроному, что я не буду рекомендовать его на свое место.

– Почему? – упавшим голосом спросила Елена, но, посмотрев на Арсена, удивилась: тот безмятежно улыбался, как будто страшное директорское сообщение его не касалось.

– Это грех, Елена, большой грех! – продолжал директор, шутливо подняв указательный палец. – Кстати, Арсен, как продвигается твоя диссертация?

– Никак, застрял на одном месте, дальше не идет. Да и некогда этим заниматься.

– Некому тебя подтолкнуть, вот что! Елена, займитесь этим вопросом.

– Конечно... – ошарашенно пробормотала Елена, ничего не слышавшая ни о какой диссертации. И вообще, весь этот разговор был для нее что темный лес. Но одно она все же запомнила: директор уходит на пенсию, но почему-то отказывается рекомендовать Арсена на свое место, хотя, кажется, не со зла...

– Что значит «грех»?

Директор стал с ними прощаться. Арсен с Еленой дошли до его машины. Когда «уазик» скрылся за первым поворотом, Арсен взял жену под руку.

– Ну, как тебе наш директор? Деловой мужик, правда?

– Кажется, он немного хромает, – заметила Елена. – Он что, был на фронте?

– Нет, он же молодой для фронта. Он на другом фронте был.

– На каком же? – удивилась Елена.

Арсен неожиданно улыбнулся.

– Это случилось во время срочной службы в армии. В кузове грузовика были ящики со снарядами. Водитель резко затормозил, чтобы увернуться от какой-то ямы, один из ящиков упал Балаяну на ногу и сломал берцовую кость. На том и закончились героические подвиги нашего директора. Впрочем, он тогда был еще юным мальчиком, только окончил школу. С тех пор не выносит, когда его спрашивают об этом. Он даже на комиссию не пошел, хотя мог получить удостоверение инвалида, получать военную пенсию, – у него одна нога на пару сантиметров короче другой.

– Он тоже здешний, ваш односельчанин?

– Да, а что, непохоже?

– Он хорошо говорит по-русски, почти без акцента.

Арсен объяснил, что Габриел Балаян был одним из первых целинников, долгое время работал в Кустанайской области. Там набрался хорошего опыта в животноводстве, потом его вновь потянуло в родные края. Он вернулся в Тонашен, несколько лет заведовал фермой. Колхоз тогда был полностью развален. Четыре послевоенных председателя очень постарались, чтобы довести его до нищенского состояния. А ферма при Габриеле Балаяне стала процветать, укрепилась трудовая дисциплина, увеличилось поголовье скота, повысились надои. Последних двух председателей он не подпускал к ферме и все делал по-своему. А им это и надо было: на каждом собрании в районе или области они отговаривались так: «зато у нас ферма образцовая». В конце концов председателем избрали Габриела Балаяна. А через год, когда колхоз преобразовался в совхоз, он стал директором.

– Мужик он, конечно, толковый, грамотный, хотя виноградарство для него – сплошная темень, а это – главная отрасль нашего хозяйства. Да тебе, наверное, это неинтересно, Лена, – спохватился Арсен.

– Почему неинтересно?! – удивилась Елена. – Мне интересно все, что связано с тобой. Я, правда, тоже в ваших делах не очень... А как он к тебе относится?

– Ты это о чем?

– Да вот он почему-то не хочет тебя на свое место рекомендовать, – начала Елена улыбаясь, но тут же осеклась. – Чего ты смеешься?

– Ленуль, он не собирается на пенсию, а я – на его место. Просто он вбил себе в голову, будто я шибко умный ученый и грешно делать из меня рядового администратора.

– Выходит, он тебя любит?

– Доверяет, – произнес Арсен. И умолк. Он просто не представлял себе, что еще можно добавить к этому емкому слову.

Елена ждала еще каких-либо пояснений от Арсена, но тот замолчал, и она, разочарованно вздохнув, стала смотреть на долину.

Между тем Арсен сказал то главное, что было определяющим в его взаимоотношениях с директором совхоза.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

После окончания сельскохозяйственного института в Ленинграде Арсен вернулся в родные края. Его направили на работу в один из горных колхозов, но там он пробыл всего год – не мог сработаться с тамошним председателем, человеком на редкость трусливым, из-за этого – безынициативным, не терпящим никаких нововведений в своем хозяйстве. Жизненная линия у него была прямая и такая же простая и неприхотливая: с голоду не умираем, план выполняем – и слава Богу, нечего на рожон лезть с новшествами.

Такая линия никак не устраивала Арсена, более того, она мешала ему в работе, так как председатель, не доверяющий никому, кроме вышестоящего начальства, без конца вмешивался в дела Арсена, порой выдвигая самые нелепые требования. Арсен, естественно, отказывался их выполнять, все делал так, как сам считал нужным. Чувствуя себя бессильным перед этим безусым агрономешкой, все более упиравшим на науку, председатель нет-нет да и прибегал к недозволенным приемам: то пугал колхозников тем, что новый агроном скоро оставит их «без куска хлеба», то настраивал против него бригадиров, и те отказывались выполнять его указания. Никакие объяснения, уговоры, доводы не помогали. И однажды, когда председатель, войдя в начальственный раж, обложил его лихим матом, на который был большим мастером, Арсен не сдержался и отвесил ему такую оплеуху, что председателя с трудом откачали.

Кончилось тем, что, разобиженный рукоприкладством агронома, председатель пожаловался в район. Разговор состоялся бурный и не в пользу Арсена. Оно и понятно, Арсен был один, а противников много – кроме председателя еще четыре бригадира – очевидцы «нечеловеческого избиения».

Арсен переехал в свой родной Тонашен и несколько месяцев работал то на тракторе, то на комбайне, то на сенокосе, пока наконец директор совхоза Габриел Балаян, как потом оказалось, с первого же дня приглядывавшийся к нему, не назначил его агрономом, поручив основную отрасль своего хозяйства – виноградарство.

Чутье директора не обмануло: Арсен оказался именно тем человеком, который был ему нужен, – инициативным и настойчивым в своем деле, грамотным и думающим ученым-хозяйственником.

До Арсена виноград здесь выращивали по коловой системе, которая осталась от предков тонашенцев: рядом с кустом забивали кол и к нему привязывали лозу. По предложению нового агронома, перешли к более современному способу, шпалерному. Были уточнены и число ярусов, наиболее подходящее для местных условий, ширина междурядий, оптимальное количество побегов на кусте и еще много других тонкостей, без которых невозможно обойтись при выращивании винограда в производственных масштабах. И уже через год после прихода Арсена урожай с имеющихся площадей увеличился почти на одну треть. Директор довольно потирал руки – такого прироста к урожаю он не надеялся получить и за десять лет!

Однажды вечером Арсен пришел в кабинет директора на втором этаже и с ходу, без лишних слов, заявил:

– Мне надо, чтобы завтра на рассвете в моем распоряжении было двести человек. – Помешкав, добавил: – Желательно больше.

Директор в это время что-то писал. Он неспешно отложил ручку, взглянул на Арсена. Сам прошедший суровую школу казахстанской целины, Балаян понимал: невозможно, это что-то из ряда вон выходящее. Но и Арсена он знал неплохо, не станет тот трубить тревогу по пустякам. Спокойно спросил:

– Двести человек, ты сказал?

– Двести. Если можно – больше. Иначе в этом году мы не получим ни грамма винограда, – так же твердо ответил Арсен.

Подобный случай уже был несколько лет назад, когда Тонашен являлся еще колхозом. Тогда по вине авиаторов, вовремя не прилетевших на опрыскивание, от страшной болезни погиб весь урожай винограда. После этого, чтобы впредь не зависеть от авиаторов, колхоз закупил четыре тракторных опрыскивателя.

В этот год случилось то же самое. Болезнь охватила несколько десятков кустов. Через пару дней делать что-либо будет уже поздно – эта болезнь распространяется с быстротой чумы.

На рассвете в распоряжении Арсена было двести двадцать человек, почти все трудоспособные сельчане. Сразу начинать опрыскивание было нельзя, от него не было бы никакой пользы, да и для этого не нужно столько людей. Требовалось сперва закончить земляные работы, которые в обычных условиях продолжаются недели три. Двести и более затребованных Арсеном человек нужны были для того, чтоб ускорить эти операции и закончить их в течение одного-двух дней.

Что и было сделано. Потом между рядами пустили опрыскиватели, и урожай удалось спасти.

И тогда директор, окончательно убедившись в надежности своего агронома, полностью доверился ему, не вмешиваясь в его дела, и со спокойной душой переключился на другие отрасли своего хозяйства. Доверился настолько, что прошлой осенью, когда Арсен сказал, что хочет заложить двадцать гектаров новых виноградников, на которых думает возродить аборигенные сорта столового винограда, некогда возделываемые на этих землях, а теперь забытые из-за их малого выхода, директор не стал с ним ни спорить, ни отговаривать. Спросил только (мысленно дав свое согласие):

– Зачем тебе это? Из спортивного интереса, что ли? Или ради престижа – мы, мол, возродили? Не проще ли взять уже опробованные сорта?

Арсен ненадолго задумался.

– Перспектива, – сказал он. – Я о ней подумал.

Директор внимательно взглянул на него и признался:

– Не понял. Что ты имеешь в виду?

– Вот вы говорите насчет спортивного интереса.

– Ты что, обиделся?

– Не в обиде дело. Просто ради спортивного интереса не стоило бы идти на более или менее значительные затраты. Я тоже понимаю – экономика есть экономика и с ее законами положено считаться.

– Дельная мысль, – усмехнулся директор. – Я вижу, ты затеял этот разговор неспроста. И уж наверняка кое-что обдумал. Давай-ка выкладывай свои доводы.

Речь Арсена сводилась к тому, что со временем – возможно, не завтра и не послезавтра... На что директор нетерпеливо сказал: «Не тяни!»

– ...государству выгоднее будет сосредоточить производство винограда в руках крупных специализированных хозяйств, таких как, к примеру, хозяйство Самвела Мамунца. Во всяком случае, это было бы рентабельнее, чем распылять его по многочисленным мелким хозяйствам. Если это произойдет, то сравнительно маломощному Тонашенскому совхозу, естественно, придется выращивать столовый виноград. А для этой цели подошли бы местные сорта.

– Я разговаривал с нашими старожилками, – продолжал Арсен, – которые еще помнят об этих сортах. Все отзывались о них с восторгом. Даже если отбросить в сторону старческое: «Вот в наше время...», и то кое-что останется. Это действительно отличный виноград, о нем упоминается и в пособиях по ампелографии. Кстати, из него в свое время изготовили хорошее вино для собственного потребления. Но виноград нам еще нужно довести до требуемой кондиции, а для этого понадобится много времени и труда. Так что мы уже сегодня должны готовиться к такому повороту, чтобы не оказаться на мели.

– Ты его имел в виду, говоря насчет перспективы? – спросил директор.

Арсен пожал плечами.

– Время от времени не мешает на нее поглядывать...

Директор задумчиво поскреб подбородок.

– Да-а, задачку ты поставил, надо признать. У тебя же есть доводы, выкладывай до конца.

Я должен знать все!

– Ладно, – улыбнулся Арсен, – есть второй довод в пользу старых сортов. По сравнению с некоторыми зарубежными странами, вы это и без меня знаете...

– Не хитри, я ничего не знаю, – перебил его директор, – не забудь, что я ветеринарный закончил, животновод я, а не виноградарь. Так что говори, а не льсти мне. Так и так я мысленно уже согласен с тобой. Итак, по сравнению с чем-то там... Отстаем, что ли?

– Да, в производстве винограда на душу населения.

– Ну, допустим.

– Так вот, рано или поздно назреет вопрос о резком увеличении его производства. И конечно, о расширении ассортимента. Верно? Значит, к такому повороту тоже нужно готовиться уже сегодня.

– Так, дальше.

– Дальше – насчет качества.

– Да, пожалуй, – произнес директор, пятерней ероша седые волосы. – Нынче мы все на вал упираем, на количество... По-твоему, эти старые сорта могут дать хорошее качество?

– Французы уже дают. Мы ничем не хуже их. Но поработать придется.

– То французы. А где ты возьмешь столько посадочного материала?

– Я видел эти сорта у нас в Тонашене. В некоторых дворах сохранились отдельные кусты. Есть в Неркин-Оратаге, в Мохратаге, в Кармираване. Осенью сам пройду по этим местам и буду выбирать. Не откажут, если вы попросите.

– Ладно, так и быть, обещаю.

На этом их разговор закончился. Директор дал добро на закладку новых виноградников, выделив для них участок у Большого оврага. Прощаясь, директор, то ли в шутку, то ли всерьез (его не поймешь), сказал:

– Когда буду уходить на пенсию, на свое место рекомендую тебя. И на душе будет спокойно, и пенсия пойдет на пользу.

– Вы это серьезно? – растерялся Арсен.

– Ты умеешь создавать для себя проблемы лишь для того, чтобы их решать...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Они стали подниматься вверх по склону. Арсен внимательно вглядывался в женцы, иногда, сердито ворча, поднимал с земли то сухой черенок, то камешек, а то просто прикасался пальцами к курчавящимся листочкам на побегах. В такие минуты он напоминал детсадовскую воспитательницу, заботливо поправлявшую бантики на головах своих питомцев.

Елена и не заметила, как они поднялись на вершину холма.

– Устала? – спросил Арсен.

– Немножко.

– Это с непривычки, ты еще не научилась ходить по нашему бездорожью. – Он снял с себя пиджак и расстелил на траве. – Посиди немножко. Вон какая вокруг красота.

Отсюда, с высоты, действительно открывалась великолепная панорама, раскинувшаяся на добрых полсотни верст. Глубокая долина, изрезанная прихотливыми изгибами реки Тартар. Внизу по обеим ее берегам стелились огороды приречных сел, а за ними – горные цепи, сменявшие одна другую, теряясь в сизой дымке. На склонах гор четко были видны пашни и поля убранных хлебов, кукурузы, картофеля, огороды... И леса, леса, неохватные, взбегающие по склонам до отмеренной им природой точки высоты, где они внезапно кончаются, а дальше начинаются тучные альпийские луга у подножия Мрава-сар, на которых пасутся невидимые отсюда многочисленные стада крупного и мелкого скота.

– Даже в глазах зарябило, столько красок... – немного удивленно проговорила Елена. – Теперь я понимаю, почему ты не мог оставаться у нас...

– У меня еще и работа, Лена, что бы я делал у вас? – широко улыбнувшись, добавил Арсен. – У вас же не растет виноград.

– Ты тоже присядь. Ты, наверное, очень любишь свою работу?

– Совершенно не представляю себе, – сказал Арсен, садясь рядом с ней, – не представляю, что бы я делал, если б у меня ее отняли... Наверное, жизнь показалась бы мне никчемной... Звучит, правда, громко, но... в общем, ты права, я ее очень люблю.

– А меня? – Лена с веселой шаловливостью обвила руками его шею. – Попробуй скажи, что меня любишь меньше!

– И что ты сделаешь?

Она вдруг прижалась губами к его шее.

– Господи, я, наверное, с ума сойду или наложу на себя руки, если ты меня разлюбишь!..

– Тебя что-нибудь тревожит, Лена?

– Нет, – ответила Елена, задумчиво глядя на долину, до краев наполненную солнцем. – Только бы ты всегда был возле меня... тогда я ничего не буду бояться...

Арсен не ответил, он понял: Лена ничего не забыла, помнит каждую мелочь, хотя и делает над собой усилие, чтобы забыть. Посидев еще несколько минут, он встал.

– Поехали?

– Да! Куда?

– На полевой стан виноградарей.

– А где это?

– Вон там, возле реки.

Взявшись за руки, они стали спускаться к машине. Потом ехали медленно, Арсен время от времени останавливал машину, они выходили и вместе шли вдоль виноградных кустов, прочно державшихся на проволочных шпалерах, протянутых в три яруса. Мощные, скрутившиеся, словно толстые морские канаты, стволы были увешаны крупными кистями созревающего черного и белого винограда, лишь слегка прикрытого разлапистыми листьями, едва

начавшими желтеть здоровой естественной желтизной, хотя до осени был еще месяц. Просто они уже сделали свое дело, остальное было за солнцем.

– Красота-то какая. – Елена в восхищении бегала от одного куста к другому, нетерпеливо прикасалась к тяжелым гроздьям, ощущая под пальцами странную прохладу насквозь пронизанных лучами утреннего солнца ягод.

Арсен задумчиво смотрел на нее, явно чувствуя, что в эту минуту их роднит – его и Елену. Это был почти мистический восторг перед волшебством животворящей Природы, способной создавать подобное совершенство. Это было его, Арсена, собственное чувство, его преклонение перед божеством, именуемым природой. Но преклонение раскованное, высвобожденное Еленой от ежечасных, повседневных бытовых мелочей, как раскаленный уголь от пепла, и возрожденное в своей девственной чистоте.

– Честно говоря, я и сам не знаю ничего прекраснее.

Он, конечно, был прав. Равнодушно смотреть на виноградные кусты было невозможно. В них чувствовалась совершенно особая, своеобразная красота, которую трудно описать словами. Строгая четкость зеленых рядов напоминала четкость воинских полков, замерших перед началом торжественного парада. И в то же время они странным образом ассоциировались в сознании с хороводом озорных детей, играющих в поле, когда ветер треплет их кудри и платья.

– Эти кусты тоже ты вырастил? – спросила Елена, когда Арсен поравнялся с ней.

– Нет, Лен, они до меня были. Я только привел тут кое-что в порядок. Ладно, поехали дальше.

Через несколько минут они остановились в тени большого орехового дерева. Рядом был крошечный бассейн, куда из трехдюймовой трубы широкой сверкающей струей вытекала вода. Арсен вышел из машины.

– Вот мы и приехали. Хочешь умыть лицо? Вода тут холодная, из артезианского колодца.

Елена склонилась и, зачерпнув воды, плеснула себе в лицо. Арсен дал ей свой платок, она вытерлась.

Шагах в десяти от орешника стояло какое-то строение из плохо отесанного закопченного камня, с просторным навесом. Елена вошла следом за Арсеном и стала оглядываться: грубо сколоченный длинный широкий стол, по обе его стороны – скамейки, в самом центре помещения – большая железная печка, на ней огромная кастрюля, исходившая паром. Арсен объяснил, что люди здесь отдыхают в часы дневного зноя или во время дождя, когда выходить на поле нет смысла.

Елена посмотрела на развешанные по стенам одежду, узелки, кошелки. Сказала почему-то шепотом:

– Как вкусно пахнет!

– Я тебя голодом уморил, хорош заботливый муж...

– А как по-армянски – голодная?

Арсен не успел ответить, под навес вошла толстушка лет тридцати пяти, с румяным, как после бани, лицом.

– Вуй, у меня гости, а я знать не знала!

– А, Евгине... Я вот решил посмотреть, чем ты собираешься людей кормить. Лена, познаться, это наша Евгине, самая веселая девушка в мире.

Хотя девушка и не поняла, что он сказал, но догадалась: что-то шутовское, Арсен без шуток в ее адрес никак не может. Хихикнув, она вытерла фартуком пухлые руки и, неожиданно обняв Елену за плечи, смачно расцеловала ее в обе щеки.

– Какой красивый, как кукла! Молодец наш Арсен, хороший нашел, первый сорт девушка! – Евгине, откинув голову, весело захохотала над своим русским языком.

Елена в ответ улыбнулась ей.

Арсен, показав на кастрюлю, по-армянски спросил:

– Так, что у тебя там?

– Суп с бараниной. Может, покушаете, пока девчата в поле? При них она стесняться будет.

– А что, было бы неплохо. Уже готово? Лена, может, тут позавтракаешь? Суп с бараниной, правда, для завтрака немного тяжеловат.

– А ты? Одна не буду.

– Он тоже, ты тоже кушай! – обрадованно сказала Евгине. – Очень кусни. Салат... вон, на... – она показала туда, где лежала зелень, – ...как по-русски?

– Скамейка, – подсказала Елена.

– Да, на скамейка.

Через минуту на столе появились две большие тарелки, доверху наполненные пряно пахнущим дымящимся супом, хлеб, зелень.

– Куши, пожалста! – сказала Евгине и добавила, обратившись к Арсену: – Ну, я пойду, чтоб она не стеснялась. Сюда никого не пущу, так что ешьте спокойно.

Напоследок она еще раз ободряюще улыбнулась Елене:

– Хорошо куши, кукла джан! Проверка будем делать.

– Что она сказала? – спросила Елена.

– Проверит, все ли съела.

Покончив с едой, они вышли из-под навеса. Евгине чуть в стороне что-то мыла.

– Евгине, молодец, вкусно приготовила, – сказал Арсен.

– На здоровье! – Она повернулась к Елене: – Джана⁴, ты тоже кушал?

– Да, конечно! Правда, очень вкусно. Спасибо. – Елена повернулась к Арсену. – Можно я тут немного посижу на камне?

– Зачем камень? – всполошилась Евгине. – Девушка не можно сидеть на камень. – Она принесла откуда-то табуретку. – Вот. Это хорошо. Холодно камень.

Елена вновь улыбнулась ей, мысленно поблагодарив Евгине за заботу и теплое отношение.

Арсен посмотрел на часы.

– Ладно, Лена, ты здесь поболтай с Евгине, а я пройду по виноградникам, повидаясь с людьми. Или ты хочешь со мной?

– Я устала. Лучше посижу тут.

Вернувшись час спустя, Арсен застал ее на том же месте, а вокруг нее толпились женщины. Они шумно и весело смеялись над чем-то, а звонче всех Елена.

– Что это вам так весело? – произнес он, в душе радуясь и в то же время удивляясь тому, как легко Елена сближалась с незнакомыми ей людьми. Похоже, здесь она уже своя.

– А они меня учат говорить по-армянски! – радостно сообщила Елена. – Я уже знаю много слов. Сказать? Ну, вот: хац – это хлеб, джур – вода. А еще: ес сирум эм кез, значит «я люблю тебя»! Правильно? – Она с забавной старательностью выговаривала каждый звук. – Мард – это человек, но и муж. Получается, мард одновременно и муж, и человек? Как так?

Женщины дружно хохотали.

– Эдак ты скоро лучше меня будешь говорить, – сказал Арсен с улыбкой и направился к машине. – Ну ладно, Лена, поехали.

Все гурьбой двинулись к машине. Уже включив зажигание, Арсен обернулся к ним:

---

⁴ Джана – ласковое обращение (арм.).

– После обеда пойдите к Барак-джур⁵ и приберите междурыдья. Кто-то смел туда опавшие листья, а убирать и не подумал. Вардуи, я с тебя спрошу.

– Слушаюсь, начальник! – Одна из женщин шутливо козырнула. – Это тетка Нахшун смела туда. Она и уберет. Заставим!

– Девушки, а как по-армянски «начальник»? – спросила Елена, высунувшись из машины.

– Пет, – хором ответили женщины.

– Пет. Какое смешное слово! Я вашего «пета» забираю с собой. Пока, девушки!

– Какая она хорошенькая, – сказал кто-то из женщин. – А глаза-то какие... А волосы-то отливают золотом, будто колосья спелой пшеницы... Прямо прелесть.

– Приехай еще, кукла джан! – крикнула Евгине вслед машине.

Елена закивала головой.

Когда немного отъехали, Арсен спросил:

– Ну, как тебе мои женщины?

– Чудесные! Простые и душевные. Особенно мне понравилась Евгине. Вообще, все понравились.

– Да, – сказал Арсен, – Евгине веселая, за словом в карман не полезет. При случае умеет за себя постоять.

– По-моему, она очень добрая.

– Отзывчивая на чужую беду. Про нее, правда, по селу ходит не очень-то лестная слава, но я на эти глупые пересуды внимания не обращаю.

– Какая нелестная слава?

Арсен повернул руль вправо, выводя машину с широкой дороги, ведущей к дальним деревням, на проселочную.

– Как-никак трижды замужем была, – усмехнулся он. – Правда, двоих сама выгнала.

– У нас и по четыре бывают, и ничего.

– Это у вас. Здесь законы другие.

Виноградные плантации остались позади, теперь по обеим сторонам дороги тянулись картофельные, пшеничные и кукурузные поля. Слева пшеница была убрана, щетинилась лишь высокая стерня, справа же нетронутые колосья стояли во весь рост, покачивая на легком ветру склоненными головками.

Арсен подрулил машину к обочине дороги. Они вышли и остановились у кромки поля, широкой рекой стекавшего вниз по довольно крутому склону, отливая на солнце тусклым золотом. Арсен потрогал прохладные литые колосья, удовлетворенно кивнул.

– Хороший уродился хлеб. Правда?

Елена почему-то не отозвалась. Арсен удивленно посмотрел на нее.

– Что с тобой? Может, устала? – поинтересовался Арсен, возвращаясь к машине. Потом, выводя «газик» на середину дороги, спросил: – Чего ты молчишь?

Елена повернулась к нему:

– По-твоему... почему она их выгнала?

– Кто? Кого выгнал?

– Евгине...

– Господи, ты все о том же? Да потому что они были сукиными сынами. Один неделями не просыхал от пьянства, а другой нагло обирал, пользуясь ее доверчивостью. Как же не выгнать таких? Любая бы выгнала!

Лицо у Елены сразу просветлело.

– Это правда?

Арсен скосил на нее глаза.

---

⁵ Барак-джур – название реки.

– Лена, похоже, ты подумала, что я собираю сплетни... Признайся, так?

Елена покраснела, чуть не до слез.

– Ну перестань же! – Она схватилась за руль. – Вот я сейчас...

– Ну-ну... – расхохотался Арсен, отводя ее руку. – Так мы с тобой улетим в пропасть.

Елена прижалась к нему и так, блаженно закрыв глаза, ехала до самого дома.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«Дорогие мои, любимые мамочка, папа и Дима!

Целый месяц я вас не вижу! Вот даже сейчас – пишу, вспоминая вас, а самой хочется реветь. Но это так, лирика, со временем, наверное, пройдет. Арсен говорит, что так бывает со всеми, потом проходит. Да я и сама знаю, что проходит. Но у меня пока не прошло и, наверное, еще не скоро пройдет, все здесь необычно, потому что я поняла, что попала в другой мир, совсем другой мир.

Все не так, к чему я привыкла с детства. Даже небо не такое, как у нас. Оно здесь какое-то низкое, а по вечерам так много звезд, что голова кружится, когда глядишь на них, и все так близко, что кажется: если подняться на крышу, можно достать их рукой. И воздух такой чистый и тоже особенный: он тихо звенит, а звон у него такой, как у хрустального бокала, если провести пальцем по его краешку, только тоньше и чище. Я целую неделю не могла привыкнуть к этому звону, мне все время казалось, будто кто-то рядом перетирает тряпочкой хрустальные бокалы. А теперь ничего, привыкла.

Только вот горы... К ним я еще не привыкла. Они, наверное, по-своему красивы, и даже очень. Но этот первозданный хаос, это мрачное, бессмысленное нагромождение скал меня немного пугает. Мне все время кажется, что они вот-вот обвалятся и погребут под собой все живое. Об этом я, конечно, вслух не говорю, засмеют же! Но про себя все-таки думаю.

Арсен и муж его сестры, Мушег, уже два раза возили меня далеко-далеко, в Тартарское ущелье, чтобы я могла не только полюбоваться горами, но и увидеть монастырь Дадиванк на левом берегу реки Тартар. Вообще, скажу я вам, вверх по Тартарскому ущелью до самой Армении находятся десятки и десятки монастырей, церквей, крепостей, других культурно-исторических памятников армянского народа, затерянных в горах, в труднодоступных местах. Монастырь же Дадиванк, построенный в IX веке, сейчас здорово разрушен, но все равно является величественным памятником армянской архитектуры. Теперь мужчины хотят свозить меня в Гандзасарский монастырь XII века, тоже на левом берегу, но уже у реки Хаченагет, но здесь же в Карабахе. А стоит он, говорят, на высоком холме, гордо возвышаясь над историческим армянским селением Ванк.

Арсен обещал, что в выходные дни свозит в монастырь Амарас, построенный еще раньше, аж в начале IV века. Представляете?! Так при этом монастыре, оказывается, создатель армянского алфавита Месроп Маштоц открыл первую армянскую школу. Если бы вы слышали, с каким запалом Арсен со своим зятем спорили по поводу этого алфавита. Арсен считает, что Маштоц не создавал буквы, а восстановил их, для чего долго странствовал по разным городам, странам того времени, посещал библиотеки, чтобы отыскать там армянские буквы. Ведь с принятием христианства в I веке армянская письменность была уничтожена, а Месроп Маштоц решил все восстановить. В 301 году армяне христианство приняли на государственном уровне, а на самом деле они его приняли еще при жизни Христа, во времена армянского царя Абгара. Мне очень приятно, что Арсен прекрасно знает историю своего народа. И очень жалко, что в наших школах учат в основном историю России, а историю других наших народов поверхностно. Одним словом, дорогие мои, живу я хорошо и очень интересно.

Когда в первый раз мы ехали в Тартарское ущелье, в одном месте дорога проходила по краю пропасти, под мрачной скалой, а там, в глубине ущелья, шумит бурная река Тартар. Но я кроме страха ничего не испытала, я все время боялась, что мы свалимся вниз. Здесь это место называют Орлиное Гнездо, страшнее этого места нет на свете, но потом, когда еще раз проехала, поняла, что Орлиное Гнездо было просто детским аттракционом!

Представляю, как сейчас мама сердится, читая это письмо: мы, мол, здесь от беспокойства места себе не находим, а она пишет про какое-то дурацкое Орлиное Гнездо... Миленькая ты моя, родненькая мамочка, скажу сразу, чтобы тебя успокоить: мне очень-очень хорошо, ты даже не представляешь, как я счастлива! Мамочка, ты – женщина и хорошо знаешь, как мало надо женщине для счастья – любить и быть любимой. Арсен боготворит меня, ну а я, что греха таить... я его тоже!.. И свекор – чудесный человек, тихий такой, спокойный и по-русски стесняется говорить, хотя и умеет. Свекровь и ее сестра очень меня любят.

Арсен был прав, когда говорил, что Нагорный Карабах – это чудесный рай. Так и есть... И еще я здесь встретила чудесных людей. Знаете, по-моему, в этом селе женщины очень любят целовать в лоб. С кем бы Арсен ни знакомил, меня непременно целуют в лоб. Это очень смешно. В первый день меня перецеловало полсела, а в день свадьбы – те, кто не успел этого сделать, то есть другая половина села, всего полсотни женщин.

Свадьба была в субботу, на меня надели подвенечное платье с фатой, была уйма народу, даже из ружья стреляли в воздух. Было очень интересно! А вот ни одного подарка не принесли. Оказывается, здесь такой обычай – вместо подарка несут деньги. Раньше, говорят, такого не было, а сейчас есть – дают деньги. Потом мне объяснили, что это делается по необходимости, ибо за подарком надо ехать в областной центр, Степанакерт, а там выбор не очень-то, нужно в Баку или в Ереван... Да и времени на такую поездку нет, все взрослое население работает в поле, им, конечно, не до подарков.

А на другой день после приезда Арсен меня возил по своим виноградникам и объяснял, что к чему. Какая красота эти виноградники! Жаль, что я не могу описать их вам, их нужно видеть своими глазами... Теперь я понимаю Арсена, когда он говорит, что не знает ничего прекраснее виноградной лозы. Это в самом деле уникальное зрелище!

Скажу также, что Арсен удивительный человек. Недавно я узнала от директора совхоза, что он работает над диссертацией. И даже заглавие у нее есть, очень длинное: «Оптимальная нагрузка виноградной лозы в условиях горных районов Нагорного Карабаха». Когда я ему сказала об этом, он улыбнулся: «Вот когда будет готова, тогда и будет что сказать». А вообще, я все время нахожу в нем что-то новое и всегда хорошее. И скажу вам по секрету, что восхищаюсь им!

Ну а я пока нигде не работаю, родители Арсена запрещают – говорят, физическая работа тебе ни к чему, ты, говорят, не привыкла к ней, и нужды в этом нет. В канцелярии совхоза все штаты заняты, да и не смогу я там работать, потому что все дела ведутся на армянском языке. Но как-то директор сказал мне, что в скором времени освободится место заведующей детским садом (у них здесь маленький детский сад, на тридцать детей), нынешняя скоро должна уйти в декретный отпуск. Наверное, я ее и заменю. Посмотрим. А пока бездельничаю. На самом же деле очень хочу работать. Но мне даже и по дому не дают что-нибудь делать, все время говорят – успеешь. Мне даже становится совестно. Сами они, как и все здесь, страшно много работают. Отец Арсена – сторожем в совхозном гараже, это недалеко от центра села. Мать и ее сестра – доярки на ферме. Уходят с рассветом, возвращаются вечером, когда уже темно.

А бывает, остаются там на ночь, когда случается какое-нибудь ЧП – ну там, заболела корова или телиться начала... Так вот, в нормальное время они приходят вечером, женщины готовят наспех что-нибудь поесть. Мамочка, в ужас не приходи, я-то ем всегда в свое время, как бывало дома, и самое вкусное они отдают мне, и боже упаси, если они узнают, что я вовремя не поела!

Так вот, я всегда, конечно, знала, что в деревнях много работают и работа у людей очень тяжелая. Но знала так – из книжек, по фильмам. Но, когда сама видишь, каким тяжким трудом достается хлеб насущный, хочется этим людям в ножки поклониться...

Дорогая моя мамочка, вот я и написала тебе, как ты и велела, длинное и подробное письмо. Теперь жду от тебя такое же. Пиши обо всем, что делается в нашем Волхове. При-

знаюсь тебе, мамочка, я уже начала немножечко скучать по нему. На площади перед дворцом сейчас, наверное, уже начались танцы под магнитофон...»

Елена задумчиво перечитала это место в письме, на слове «Волхов» взгляд ее задержался. Вспомнился родной городок, такой чистенький, уютный. Увидела свой дворик, обнесенный деревянным штакетником, верстак под большой яблоней, на котором брат Дмитрий вечно что-то мастерит, представила, как мама, улыбаясь и плача, вслух читает ее письмо...

Но вскоре мысли ее перекинулись на другое. Она вновь вспомнила тот чудесный вечер, когда месяц тому назад Арсен приехал к ним и они пошли в кино...

Шум автомашины вывел Елену из задумчивости. Она подошла к окну и увидела, как салатовый жигуленок Мушега на малом ходу въезжает во двор.

Елена подумала, что о сегодняшнем празднике также следует писать, и мысленно дописала письмо: «А у нас сегодня праздничный обед, у моего свекра день рождения, ему исполнилось семьдесят восемь лет. Будем жарить шашлыки! Ой, удивительно, как тут все их любят! Да и я сама! Как только в доме гости, тут же закалывают поросенка... Вот уже машина во двор въезжает. Это сестра Арсена приехала с мужем и двумя детьми. Старший Гришик – чудный мальчик, лопоухий, с огромными черными глазами. И добрый такой. Мы с ним большие друзья, его семья живет недалеко, он часто приходит ко мне, и мы друг у друга учимся – он у меня русскому, я у него армянскому». Елена улыбнулась и мысленно сделала приписку: «Извините, дорогие, я должна идти, встречать гостей, а то могут обидеться – тут у них очень строго насчет семейного этикета: как ты ни занят, но выйти и встретить золовку обязан! Так что целую вас всех и до свидания!»

Елена решила, что об этом допишет потом, и быстро вышла во двор. Каждому нашлась работа. Женщины накрывали на стол, вынесенный на веранду (в комнате было душно). Елена с золовкой Арфик резали овощи, готовили салаты. Гришик, ни на шаг не отходивший от Елены, норовил чем-нибудь ей помочь, но только мешал. Елена то и дело отталкивала его, смеясь.

- Гришик, не мешай!
- Я мешаю?
- Мешаешь.
- Я наоборот!
- Вот именно – наоборот!

Арсен, только что вернувшийся с работы, проголодавшийся, ловко орудовал топором – на широкой дубовой плахе рубил и нарезал мясо. В дальнем углу огорода, на свободной от растительности площадке, обложенной кубиками камня, Мушег разжигал огонь, шашлык положено делать мужчинам.

Вскоре куски мяса с приправкой из соли, лука, перца и уксуса были нанизаны на шампуры, стол был накрыт, из погреба принесли вино и семидесятиградусную тутовую водку.

- Мушег, – окликнул зятя Арсен. – Ну что там у тебя с костром? Я умираю с голоду!
- Уже догорает, – отозвался Мушег, – только, боюсь, придется угли перенести под навес.
- Это почему?
- Сейчас хлынет дождь.

Все невольно взглянули на запад – над селом в полный накал сияло предзакатное солнце.

– Да ты что! – рассмеялся Арсен.

– А ты иди и сам взгляни.

Арсен пересек двор и посмотрел в сторону Мрава-сар. Лицо его потемнело.

– Это не дождь.

– А что это? Где? – подскочила к нему Елена, сразу уловившая в муже перемену.

– Это град, Лена, – проговорил Арсен непривычно хриплым голосом, показывая на плотную сизо-белую полосу, закрывшую гору. – Через десять минут он будет здесь. Кажется, невестель у нас будет праздник...

Елена с невольным страхом прижалась к нему, она еще не понимала, что происходит, но ей уже передалась общая тревога.

– Может, стороной пройдет, – предположил Мушег.

Арсен покачал головой:

– Нет. Прет, сволочь, прямо на нас.

Небо стремительно затягивалось темно-пепельными тучами. Коротко, словно предупредительный выстрел, рванул ветер, с большого тутовника непродолжительным ливнем посыпались спелые и неспелые ягоды. Во дворе упали первые градины, крупные, как яйцо, запрыгали по утоптанной до каменной твердости земле, попадали в костер, выбивая из него искры и с шипением выстреливая струйками пара вперемешку с золой.

Гришик подбежал, схватил Елену за руку, потянул:

– Идем!

– Куда, Гришка?

– Идем, здесь нэ можно стоять.

– Беги под навес, Лена, здесь опасно, – сказал Арсен.

– А ты? Без тебя не пойду!

– Я тоже иду, пошли, Мушег.

А потом началось что-то невообразимое. Загрохотало, забарабанило по крыше, продавливая только что крашенное железо. Казалось, сейчас дом развалится. Упала срезанная ветка тутовника. Все как по команде взглянули на несколько десятков виноградных кустов, занимавших большую часть огорода. Взглянули и ужаснулись: тяжелые градины с глухим стуком обрушивались на лозу, в клочья рвали листья, ломали ветки, обрывали длинные кисти с крупными созревающими ягодами. И через минуту там, где только что стояли кудрявые, в роскошной зелени листья кусты, теперь торчали голые, уродливые, скрученные стволы, пугливо жавшиеся к серым бетонным подпоркам, словно запоздало защищаясь от яростных порывов поднявшегося ветра.

Спустя несколько минут двор вместе с огородом и садом из зеленого превратился в грязно-белесый: толстый слой града плотно улегся повсюду, заполнив собою все ямы, трещины, все неровности, застрял в развилках ветвей, на кустах...

Женщины, стоявшие тут же и наблюдавшие эту вспышку бешенства природы, запричитали было в голос, но на них прикрикнули мужчины. Только Елена молчала, растерянно озираясь вокруг, не понимая, что же тут происходит. Она смотрела на Арсена, который, глядя на небо, хриплым голосом произносил какие-то слова.

– Почему молчат? Почему они молчат?

– Кто молчит? – спросила Елена – Ты о чем, Арсен?

– Почему не стреляют?

– Кто? Кто должен стрелять? Арсен, родной, что с тобой? Успокойся же!

Елена вцепилась в руку мужа, не понимая, кто в кого должен стрелять и зачем.

– Да зенитки же!

– Какие зенитки? Ты о чем говоришь?!

К ней подошел Мушег.

– Вон там, за меловым холмом, расположены противоградные установки. Но они почему-то не стреляют.

– Нахлестались вина и дрыхнут, наверное, гады... – произнес Арсен. – Ладно, я пошел.

Елена снова вцепилась было в него:

– Куда?

– В канцелярию. Там, наверное, уже все собрались.

– Поешь хоть что-нибудь, ты же голодный, – сказала Арфик.

– Обойдусь, – отмахнулся Арсен и, прикрыв голову куском фанеры, припасенным для обмахивания углей под шашлыком, побежал к машине, крикнув на ходу:

– Обедайте без меня!

Он включил зажигание и выехал со двора. Градины гулко барабанили по натянутому тенту над головой, с хрустом раскалывались под колесами машины, словно круто сваренные яйца, разлетались в стороны, как камни, выпущенные из пращи.

Арсен смотрел на проплывающие мимо дома, огороды, деревья и недоумевал: сколько же времени продолжался этот проклятый град, что успел разорить село? Он вспомнил, как на его глазах гибли растерзанные кусты винограда во дворе и невольно съезжился: если такое творилось и на совхозных виноградниках, то... Страшно было даже думать, что тогда будет.

Град, судя по очевидным признакам, шел полосой с северо-востока на юго-запад, круша все на своем пути: огороды, сады, раскалывая шифер и продавливая железо на крышах, разбивая оконные стекла в домах. «Если полоса широкая, – подумал Арсен, – то многие сегодня вдоволь наплачутся».

Последние градины еще падали во дворе дирекции, когда он остановил машину у подъезда. Быстро взбежал на второй этаж. В кабинете Габриела Балаяна собралось много людей – главный инженер, старший экономист, парторг, председатель сельсовета, бригадиры, механизаторы, заведующие фермами...

Арсен, на ходу кивнув им, прошел к директорскому столу.

– Почему они не стреляли? Вы туда звонили?

– Да звонил, звонил, – морщась, ответил Балаян. – Нельзя было стрелять.

– Почему? Что значит «нельзя было»?

Вместо директора ответил как всегда невозмутимый Рубен Григорян:

– В тот момент над селом пролетал какой-то пассажирский самолет.

– Какой самолет?

– Москва – Тегеран.

– Но здесь же трасса не проходит, откуда взяться самолету?

– Не знаю, мне так сказали... – вновь заговорил директор, вставая из-за стола.

– Сколько же времени этот самолет летал над нами? Не круги же он делал, черт возьми!

Директор горько усмехнулся.

– А сколько времени, по-твоему, продолжался град? Скажи ему, Рубен.

– Около восьми минут. Я засек случайно, у меня остановились часы, я прошел в столовую, чтобы посмотреть на настенные... было без двадцати семь. Хотел запустить свои, но в это время по крыше ударили первые градины и я забыл о часах. А когда град перестал, опять вернулся в столовую. Там было без двенадцати минут семь.

– Всего восемь минут? – Арсен растерянно покачал головой. – Я сейчас проезжал по улице. По огородам будто катком проехали. Ну да ладно... Что будем делать, Габриел Арутюнович?

– Честно говоря, не знаю. Ждал тебя, – смущенно отозвался директор. – Говори, что ты предлагаешь?

– Разбиться на группы и поехать по полям и виноградникам, выяснить, что погибло, что осталось, а что можно восстановить. Если урон слишком велик, надо думать об урожае не этого года, а будущего. Мы с Рубеном поедem по бригадам.

– Я еду с вами, – сказал директор, заметно приободренный деловым тоном агронома, быстро взявшего себя в руки.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Арсен вернулся в первом часу ночи. Вошел во двор, по привычке взглянул на верхние окна – свет в них не горел. Холодком кольнуло недоброе предчувствие: Елена никогда не ложилась, не дождавшись его.

Внизу, под навесом, на тахте сидел отец и курил.

– Ты что это не спишь, отец?

– Не спится.

– Мушег с детьми уехал?

– Давно. Ну что там с виноградниками? Что-нибудь осталось от них? – Он пододвинулся, давая место сыну.

Арсен сел, тоже достал сигарету и стал мять ее в руках.

– Да, все осталось, ничего не тронул. Прошел над самым селом, побил огороды, правда, крепко побил.

– Да черт с ними, с огородами! Главное, чтобы совхозные виноградники уцелели.

– Они-то как раз уцелели, только у дубовой роши краешком зацепило. Это мелочь. –

Арсен склонился было к отцовской руке, чтобы прикурить, но остановился, принялся – из дому тянуло сердечными каплями. – С кем это плохо? Не с матерью?

Мисак досадливо махнул единственной рукой:

– Да с Ануш... будь она неладна...

– Что так? – Тон отца насторожил его. – Говори, отец, что у вас тут случилось?

Мисак покашлял в кулак.

– Да как тебе сказать... Старуха вроде как совсем спятила...

– Ну а точнее? Ты не тяни, рассказывай, я ведь все равно допытаюсь, уж лучше ты.

Старик еще раз прокашлялся и неохотно рассказал о том, что произошло.

...После ухода Арсена Мисак велел женщинам убрать со стола, не до еды стало.

– А мясо уберите в холодильник.

– Не работает холодильник, – ответила Марьям, – свет отключили.

– Как отключили? Почему?

– Не отключили, – вмешался Мушег, показав на свисавший с крыши конец электрического провода. – Градом перерубило.

– Что же делать? Мясо-то испортится...

– Не испортится, – сказал Мушег, – сейчас соорудим холодильник. Гриша, принеси-ка лопату!

Гришик вынес из сарая лопату. Мушег сгреб градины в один холмик под навесом, вырыл яму.

– Вот вам холодильник. Давайте сюда мясо, только сперва заверните в целлофан.

Женщины стали тихо убирать со стола. С минуту постояв в нерешительности, Елена тоже протянула руку и взяла пару тарелок. Но тут ей показалось, что тетка Ануш говорит что-то недоброе. Она не понимала слов, произносимых старухой, поэтому смотрела на нее со смешанным чувством детского любопытства и какого-то смутного полумистического страха. В этот же момент Марьям, с металлическим стуком бросив на стол собранные ножи и вилки, прикрикнула на сестру:

– Ануш! Замолчи! Слышишь?!

– Да, да, да! – Ануш в неожиданной ярости перешла на противный, надтреснутый старческий визг, продолжая трясти сухими руками. – Лучше бы не было того дня, когда ее нога ступила в этот дом!..

– Тетя, что ты говоришь?! Стыдно, старая женщина! – рванулась к ней Арфик, опрокинув стул. Но ее опередил Мисак. Болтая пустым рукавом пиджака, он подскочил к Ануш.

– Замолчи, старая ведьма, – сказал он, – не делай из мухи слона. Сначала найди причину, чтобы осуждать. Слышишь меня, сейчас же замолчи! – Багровея от ярости, он пошел на нее, но его остановил Мушег.

– Ты что, отец? В твои-то годы... С ума, что ли, все походили?

– А ты разве не слышишь, какие слова она тут говорит?

– Ну пусть себе говорит, от ее слов ни у кого не убудет. А ты, тетя, взяла бы себя в руки. Стыдно! Ну, случилась беда, никто не виноват. Мы сейчас все взвинчены, но надо же уметь себя сдерживать!

Елена, бледная как полотно, в ужасе озиралась по сторонам, ничего не понимая.

– Пойдем, Лена! – Гришик схватил ее за руку и потянул за собой. – Идем, ну! Домой идем!

Елена не сдвинулась с места.

– Да в чем дело, Гришик, объясни хоть ты.

– Идем! – твердо сказал мальчик. – Домой идем!

– Да, Лена, тебе лучше пойти наверх, – сказала Арфик. – Из-за этого проклятого града все стали психами. Немного побудь у себя, потом выйдешь, когда все успокоится.

– Я уйду, Арфик, я сейчас уйду, раз вы говорите. Но хоть объясните, в чем дело, я ведь ничего не поняла!

К ним подошел Мушег.

– Арфик, ты займись старухой, уведи ее в дом, а я с Еленой побуду. – Он взял Елену под руку и увел ее наверх.

С другого боку, как бы охраняя ее от возможных неожиданностей, шел Гришик, то и дело воинственно оборачиваясь назад да приговаривая:

– Сумасечий она.

– Так что же она кричала? – спросила Елена, когда поднялись на верхнюю веранду. – Я заметила, что она бросала на меня злые взгляды. Она на меня за что-то сердится? Вы говорите, не скрывайте.

– Да, Елена, на тебя... – сказал Мушег, смущенно отводя взгляд. – Ты не слушай ее, она старая женщина... как это у вас говорят?.. С предрассудками. Говорит, что у тебя нога тяжелая, поэтому пошел этот проклятый град. Не обращай внимания.

Потрясенная Елена уставилась на него:

– Я? Виновата, что пошел град?..

– Глупости все это, темнота, не надо обращать внимания, Лена.

– Она сумасечий женщин! – выкрикнул в сердцах Гришик, вытирая кулачками слезинки с глаз.

Елена только теперь поняла, что старуха так неистово проклинала ее...

– Та-ак... – проговорил Арсен, выслушав рассказ отца. – Докатились, значит, дальше вроде некуда...

– Да ты слишком не переживай. Дурной, коварный человек способен мир и покой семьи превратить во вражду и смуту... Сам знаешь, женщина – она и есть женщина, языком мелет, а мозгами пораскинуть... да где их взять, мозги-то? Вот как, значит, получается, сынок.

Некоторое время они молча курили, попыхивая в темноте огоньками сигарет.

– Хотел бы я знать, – задумчиво произнес Арсен, – кто был виноват несколько лет тому назад... Помнишь, какой был град? Добрую треть наших виноградников тогда будто корова языком слизала. Помнишь, отец? Еще комиссия к нам приезжала из области, акт составила и списала эти виноградники, помнишь?

Старик сокрушенно вздохнул.

– Помню, конечно, разве такое забудешь?...

Арсен встал.

– Ну вот и хорошо, что помнишь. А где мать?

– Спят они. Сестра дала лекарство...

– Понятно, я пойду спать, мотался весь день по виноградникам, устал, как бездомная...

Ты, отец, при случае скажи матери и тетке скажи – если еще хоть раз, только один раз повторится эта дикость, я возьму Елену, уеду отсюда и ноги нашей в этом доме не будет. Так им и скажи.

Отец, медленно подняв голову, с глубокой скорбью долго смотрел на сына.

Поднимаясь по деревянным ступенькам, Арсен почувствовал, как его всего трясет. Он бесшумно, чтобы не разбудить Елену, отворил дверь и, не зажигая света, стал раздеваться.

– Зажги свет, я не сплю, – отозвалась она.

– Да не стоит, уже спать пора. – Он лег рядом с ней, привычно провел ладонью по ее лицу.

Елена поняла. Улыбнулась в темноте.

– Я не плакала.

– Ты у меня молодчина.

– Тебе айрик рассказал?

– Да.

– Зачем? Ну, старая женщина, сказала безобидную глупость...

– Это не безобидная глупость, и она может повториться, если не предотвратить.

– Ты очень устал, родной. – Она потянулась и поцеловала его в щеку. – Ты очень устал, тебе надо выспаться.

– Очень. Ты тоже устала.

Елена тихо засмеялась.

– На мне пахать можно, я многожильная!

Но глаза у нее тоже слипались.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Вода гулко булькала на дне большого медного кувшина. По мере того как кувшин наполнялся, гул становился все тоньше и тоньше и наконец превратился в тихое журчание. Елена машинально протянула руку, чтобы закрыть кран, но вспомнила, что никакого крана нет. Через щели каменных глыб, прячущих истоки родника, бежали три струи кристально чистой воды, стекая в выдолбленное углубление в большом дереве. Этот выдолбленный дуб назывался «нов» и был похож на лодку. Вода, переливаясь через край этого нова, весело журчала между камнями, сливаясь с бесшумной из-за мелководья речушкой, разделяющей село на нижнюю и верхнюю части.

Сюда сходилась на водопой сельский скот, вечерами возвращаясь с пастбищ.

В десяти шагах две женщины, подоткнув юбки, полоскали в речке полосатые домотканые ковры, бойкими, визгливыми голосами о чем-то переговариваясь с бригадиром Рубеном Григорьяном.

Несколько минут назад, подъезжая на мотоцикле к речке, он приветственно, как старой знакомой, помахал Елене рукой. Ей нравился этот немногословный, всегда учтивый, всегда спокойный богатырь. Как-то Арсен сказал про Рубена: «Он настоящий мужик, на него можно положиться». Рубен был еще молод, ему не было и тридцати лет, хотя ранняя седина уже коснулась его коротко стриженных волос. Поговаривали, что все девушки села влюблены в него.

Нравилось Елене и то, как он ездит на своем мотоцикле: ровно, не спеша, как бы щадя своего железного коня, словно это не машина, а живое существо. Впрочем, Елена уже давно заметила, что в селе много мотоциклов и все с колясками. Сельчане к ним относятся очень бережно, не то что в городе.

– Это у нас, у крестьян, в крови, – объяснил ей Арсен однажды вечером, разбавляя простоквашу ледяной водой. Елена уже знала, что простокваша здесь называется смешным, на японский лад, звучным словом «мацун». Мацун с водой – это «тан», он хорошо охлаждает и утоляет жажду.

– Раньше были лошади и ослы, – продолжал Арсен, – теперь их заменяют мотоциклы с коляской, они практичнее в хозяйстве. Но отношение людей к ним осталось такое же, какое было к животным – своим помощникам.

Елена сама не раз видела, как стрекочет по бездорожью мотоцикл, груженный огромным стогом свежескошенной травы. Самого мотоцикла даже не видно, катится себе стог, переваливаясь на ухабах, вызывая улыбку у прохожих.

...Елена убрала кувшин из-под струи, немного отлила из горлышка, чтобы не выплескивать на себя, и понесла его так, как несут ведро, хотя это было совершенно неудобно, но тут уж ничего не поделаешь – она еще не научилась без чужой помощи скидывать на плечо двухведерный медный кувшин.

Осторожно ступая по мокрым камням, она вышла на дорогу, остановилась возле большого замшелого валуна у обочины. Огляделась по сторонам и, убедившись, что никто ее не видит, подняла кувшин, поставила на валун, затем, придерживая его рукой, чтобы не упал, повернувшись спиной, осторожно взгромоздила кувшин на левое плечо, при этом все же пролив себе за ворот немного воды. И пошла домой. Тяжелый кувшин больно оттягивал плечо, но она знала, что это с непривычки. Надо только плечо держать повыше, чтобы тяжесть распределилась между плечом и шеей, тогда легче будет нести.

По ее приблизительным расчетам, до дома оставалось шагов триста или чуть больше, но думать об этом нельзя, потому что, когда думаешь, сразу устаешь и вода кажется вдвое

тяжелее, а спустить кувшин на землю и отдохнуть немножко – тоже нельзя, потом не поднимешь, такого высокого валуна уже нет до самого дома. Вчера она опустила кувшин, а поднять не сумела, тогда она поставила его на чей-то высокий огородный плетень, но плетень взял и провалился, да еще с таким треском, что Елена испугалась, как бы хозяева не выскочили из дома и не отругали ее за порчу имущества. К счастью, никто не выскочил и не отругал.

Трудность была еще и в том, что дорога шла все время вверх по склону горы. «Да что я, слабее здешних, что ли?» – сказала себе Елена. И эта мысль придала ей бодрости. «Вот еще пятьдесят шагов пройдено! Только не надо думать об оставшихся. Лучше о чем-нибудь другом. Про маму! Если бы она сейчас увидела меня с этим кувшином! С ней бы истерика произошла: доченька, мученица ты моя, страдальца ненаглядная, да разве к такой жизни я готовила тебя?!» Елена невольно улыбнулась, отчетливо представив, как мать заламывает себе руки от горя и кричит: «Уж лучше бы за Виктора Сафронова!..» Елена чуть не расхохоталась. Вспомнила, как однажды Арсен сильно приревновал ее, вспомнила, как Витины глаза в тот вечер от ужаса чуть не вылезли из орбит, когда Арсен стал затягивать узел его красного «джазового» галстука... От этого воспоминания Елене стало немного грустно... А когда на душе невесело, в голову лезут тревожные мысли.

...На другой день после того злополучного града Елена все же спросила Арсена, чем она все-таки не угодила тетке Ануш, ведь не случайной была ее внезапная вспышка ненависти. Напомнила и о том, как на следующее утро после их приезда, когда теленок запутался в веревке и его пришлось зарезать, тетка не захотела даже ответить на ее, Еленино, приветствие, а когда Гришик подошел к ней, тетка стала сердито зазывать его домой.

– За что же все-таки?

– Наверное, за то, что ты есть, – досадливо ответил Арсен. – Не обращай внимания, пусть себе ворчит. Главное, чтобы мать с отцом ладили с тобой.

Слова Арсена звучали не очень уверенно, он знал, что мать находится под влиянием своей сестры...

Елена, однако, не стала настаивать. А через несколько дней, когда Гришик, по своему обыкновению, после школы прибежал к ней заниматься русским (он приходил часто и занимался усердно), Елена услышала, как тетка Ануш, разговаривая с сестрой, – по-армянски, конечно, – произнесла слова, каждое из которых в отдельности было ей знакомо, но смысл их в сочетании от нее ускользал. Вечером, когда Арсен вернулся с работы, Елена сказала с наигранно беспечным видом:

– Ты знаешь, я недавно услышала одно выражение, мысленно перевела на русский, получилось что-то смешное.

– Какое выражение?

– Съесть чью-то голову...

Арсен чуть заметно нахмурился.

– А кто это сказал?

– Да сегодня одна старуха приходила к матери, просила стакан постного масла, потом они о чем-то говорили, и старуха произнесла эти слова. По-моему, она жаловалась на кого-то – то ли на директора, то ли на бригадира. Так что же все-таки означают эти слова? Это, наверное, какое-то иносказание, да?

– Съесть чью-то голову – значит накликать беду, стать причиной несчастья, словом, накаркать, как у вас говорят. Ладно, Лена, давай спать, время уже позднее. Спать хочется.

Он солгал, спать ему не хотелось. Они долго лежали с закрытыми глазами, притворяясь спящими. Потом Елена приглушенно всхлипнула, Арсен в темноте нащупал ее глаза, ладонью вытер слезы. Она повернувшись, уткнулась ему в грудь и притихла.

...С каждым шагом идти становилось труднее, кувшин как будто стал вдвое тяжелее, а пройдено каких-то сто шагов. Надо было дожидаться Гришика и вместе пойти за водой. Последние дни она так и делала: окончив занятия, они брали кувшин и шли к роднику. С Гришиком дорога казалась короче – они много болтали, часто останавливались отдохнуть, мальчик каждый раз помогал ей поднять кувшин на плечо или нес его сам. А сегодня она решила пойти одна, как делают все женщины в селе. «Нет, так я совсем выбьюсь из сил, надо немножко отдохнуть. А поднять... ну, подожду, пока кто-нибудь встретится, попрошу помочь...»

Она остановилась, опустила кувшин на землю и сразу почувствовала такую легкость во всем теле, что, кажется, взмахни рукой – взлетишь! «Нелегко все же приходится здешним женщинам, – подумала она, ища глазами, где бы присесть. – Отец правду сказал тогда – в горах легко не бывает... Как-то он там, общительный затворник? Надо как-нибудь уговорить Арсена съездить к ним...»

Снизу донесся стрекот мотоцикла. Елена обернулась и увидела Рубена Григоряна. Поравнявшись с ней, он остановил мотоцикл и сказал, сдержанно улыбаясь:

– Устали?

– Немножко, – откликнулась Елена.

– Это с непривычки. Потом привыкнете и не станете замечать.

Он слез с сиденья, молча взял кувшин и поставил его в коляску.

– Что вы делаете? – удивилась Елена.

– Садитесь. – Он похлопал по второму сиденью позади себя.

Елена ужаснулась:

– Что вы, Рубен, ни за что не сяду! Я еще не видела, чтобы на мотоцикле воду возили, ваши женщины меня засмеют!

– А для чего мотоцикл? У кого есть, тот все возит, и воду тоже. Садитесь, – повторил он, усевшись на переднее сиденье. – У Арсена тоже есть мотоцикл. Почему без дела стоит?

– Да его еще исправить надо.

– Садитесь, все равно мне по пути, в канцелярию еду.

Елена села, крепко ухватившись за скобу, чтобы не упасть, но не спуская глаз с кувшина. «А правда, так же проще, чем пешком в такую даль. Пристану к Арсену, чтобы научил меня мотоцикл водить! Только не станет он учить, скажет, грохнешься с какого-нибудь обрыва...»

– Ну как, легче? – крикнул Рубен, оборачиваясь назад.

– Легче, намного легче! – ответила Елена. – Только ведь надо мной потом смеяться будут, скажут, что я лентяйка.

Долго поговорить им не удалось, мотоцикл круто свернул с дороги и въехал во двор. Елена проворно соскочила с сиденья, одернула поднявшуюся при езде и без того коротенькую, по местным понятиям, юбку до колен, сняла кувшин и поставила на землю.

– Спасибо, Рубен, может, зайдете в дом, стаканчик чаю выпьете?

– Мне к директору надо.

Из дома вышел Мисак, остановился на веранде, затыкая за пояс пустой рукав.

– Рубен? К добру ли?

– Да вот, сноху твою привез. Еду сейчас по дороге и вижу: стоит возле Саакова дома, а рядом кувшин. Я и подумал, что утомилась, наверное, остановилась отдохнуть, а кувшин с непривычки поднять не может. Говорю ей: давай, мол, подвезу. Отказывается. Надо мной, говорит, ваши женщины смеяться будут! С трудом уговорил.

– Да хранит тебя Бог, – сказал Мисак. – Сколько раз я ей говорил, чтобы не ходила за водой, не ее это дело. Нет, не слушается. А для чего же, говорит, я тут нужна?

– Значит, добрым молоком вскормлена, – сказал Рубен, глядя вслед Елене, которая в это время вносила в кухню кувшин с водой. – Это по всему видно, дядя Мисак, – по разговору, поведению, по ее отношению к людям.

– Тут ничего не скажешь, – охотно поддержал старик. – Людям в сердце входит, как в свой дом. Воистину впрок ей пошло материнское молоко. – Он вдруг спохватился: – А почему мы здесь стоим? Разве у нас нет дома?

– Нет, дядя Мисак, мне в канцелярию надо. Дела. В другой раз зайду как-нибудь, посидим, потолкуем.

Он развернул мотоцикл и уехал. Мисак пошел было в дом, но услышал приглушенные голоса женщин и завернул в кухню. Елена стояла в дверях и, комкая ворот вязаной кофточки, пыталась что-то объяснить свекрови, но та, видно, и слушать не хотела – скорее всего, потому, что не понимала ее. Елена обернулась к вошедшему свекру.

– Айрик, ну хоть вы объясните мне, что плохого в том, что я села в мотоцикл Рубена? Мама почему-то сердится, – сказала она, пытаясь улыбкой смягчить свои слова. – Честное слово, ведь смешно же на такие вещи обижаться!

Мисак усмехнулся, похлопал ее по плечу.

– Ты иди. К себе иди, я скажу.

Елена в недоумении покачала головой и поднялась наверх. Мисак подошел к жене, чистящей к обеду фасоль.

– Слушай, ты что это глупости болтаешь? Что тут такого страшного, если Рубен подвез ее? Ты что, Рубена не знаешь? Уважаемый всеми человек, отец троих детей. Да еще друг нашего сына.

– Рубена знаю, – сердито оборвала она, – вот ее не знаю! Всего два месяца, как приехала, уже юбку задрала до самого пупка, чужому мужчине напоказ, да еще раскатывает по всему селу!

– Послушай, хватит плясать под дудку сестры, зря не наговаривай на девчонку, грех это. Мне сейчас Рубен сам сказал, что еле уговорил ее сесть на мотоцикл.

– Я не наговариваю, я говорю то, что мы вдвоем видели своими глазами вот в это окно, – Марьям показала на окно, выходящее во двор. – Может, ничего и не случилось, но если сегодня не сказать, завтра село будет тебе же вслед пальцем показывать и в ладоши хлопать! Я за сына своего боюсь. Не для того я растила его, чтобы потом его доброе имя втоптывали в грязь. Ишь какая, она еще вздумала тебе жаловаться! Я ей покажу, как нас ссорить!

– Да не жаловалась она, ты же видела, я сам услышал ваши голоса и заглянул.

Но Марьям, что называется, закусил удила...

– Мы тоже были снохами, тоже пришли в чужой дом, твои покойные родители... или ты забыл те дни?.. Заставляли меня мыть им ноги, а воду пить! Посмела бы я тогда хоть слово жалобы пикнуть. Да и кому жаловаться было? Я не смела не то что кусок хлеба взять без позволения старших, а слово вымолвить.

– Послушай, пойми же ты наконец, что времена нынче другие! Э, да что там толковать! – махнул рукой Мисак. – Ты же не свои слова говоришь!

– Как это не свои? А чьи же?

– Твоей сестры, вот чьи!

– Вот-вот, она давно уже у вас бельмом в глазу! А с того дня, как приехала эта... эта... – Марьям вовремя остановилась, сообразив, что скажет лишнее, – дай вам волю – вы мою сестру из дома выгоните, побираться заставите, с протянутой рукой ходить по деревне!

...Елена металась в своей комнате, заламывая руки и невольно прислушиваясь к голосам, доносившимся снизу. Она не понимала, что же все-таки произошло, лишь догадывалась, что речь идет о том, зачем она села на мотоцикл бригадира Рубена.

Елена снова прислушалась. Слов она разобрать не могла, но по тому, как с нарастающим ожесточением звучали голоса, поняла, что скандал разразился не на шутку. Она уже жалела, что невольно втянула свекра в этот разговор. Боясь уже не за сегодняшний день, а за завтрашний, послезавтрашний и все последующие за этим дни. Она не представляла, так ли начинается извечная война между снохой и свекровью, но знала, что конца ей не бывает, и страшилась, что с ними произойдет то же самое, что с этой минуты в доме мира уже не будет, и, чтобы этого не случилось, она готова была вернуться и просить у свекрови прощения, хотя понятия не имела, за какую провинность... Уже вышла на балкон, уже подошла к лестнице, но вдруг остановилась, испугавшись, что своим благим порывом может, сама того не ведая, подлить масла в огонь, а тогда его нельзя будет уже погасить ничем. Но извиниться все-таки надо, и сегодня же, до прихода Арсена, иначе будет поздно – мать или тетка могут наговорить ему лишнего; он вспылит и совсем испортит дело.

Часа за два до прихода Арсена Елена решила, что в доме все несколько успокоилось и уже можно заговорить со свекровью в надежде, что ее шаг к примирению будет понят и принят. Для храбрости она толкнула пальцем Машку, стоящую на подоконнике. Машка тренькнула, повалилась на бок, снова тренькнула и встала, малость покачалась на месте, как бы испытывая собственную устойчивость, и наконец замерла с лукавой улыбочкой на мордочке. Елена спустилась. На кухне свекрови не оказалось. Она прошла в комнату, но и там ее не было. Елена вышла, обогнула дом и увидела всех троих: свекра, свекровь и тетку Ануш. На траве был расстелен домотканый разноцветный ковер, точно такой же, какие стирали женщины утром на речке. Они сидели на ковре, а перед ними возвышалась горка крупного зеленого перца – ядерного и острого, как пламя.

Утром, когда свекор принес целый мешок, Елена даже удивилась, что бывает такой перец. Сейчас женщины перебирали его – самые крупные и сочные пойдут на засол, остальные повесят сушить.

Сестры о чем-то вполголоса разговаривали. Однако, едва увидев Елену, они тотчас умолкли, насторожившись, впрочем, не прерывая работы и неумело делая вид, что не замечают ее, да и не заботясь о том, чтобы это выглядело правдоподобно, потому что не заметить Елену было невозможно – до нее было не более десяти шагов.

Елена подошла и, пытаясь унять нервную дрожь в голосе, сказала:

– Мама... мама, я хочу сказать, что вы были правы. Я... я, конечно, не должна была садиться на мотоцикл... И никогда больше этого не сделаю. Просто с непривычки мне было тяжело нести кувшин одной и поэтому... вот... так что извините меня, больше это не повторится. – Она заставила себя улыбнуться, хотя на глаза наворачивались слезы унижения и боли, потому что, пока она говорила, ни одна из сестер не подняла голову и не посмотрела на нее. Лишь свекор – она это чувствовала кожей – стоял за ее спиной и хмуро, осуждающе смотрел на них. Только его присутствие придавало Елене сил выдержать эту унижительную пытку и продолжать говорить дальше: – Я даже хотела упросить Арсена научить меня ездить на мотоцикле, но теперь... теперь я этого не сделаю...

Она умолкла, подождала, последует ли ответ. Ответа не было, лишь тетка Ануш демонстративно отвернулась, поджав тонкие сухие губы. Елена, чувствуя, как у нее подкашиваются ноги, в растерянности повернулась к свекру, но тот лишь неопределенно поглаживал здоровой рукой пустой рукав пиджака и глядел на свояченицу.

– Ну что вы молчите?! – не выдержала Лена. – Айрик, вы переведите...

– Она сама знает, без перевода, – сказал Мисак, почему-то упорно глядя не на жену, а на свояченицу.

– Но хоть одно слово вы можете сказать? – дрогнувшим голосом произнесла Елена. – Мама...

– Аджан⁶, – с неожиданной нежностью вдруг произнесла свекровь, а когда наконец подняла голову, в ее глазах стояли слезы!

Елена была потрясена.

– Ой, мама... Спасибо... – только и сумела она прошептать, потом вдруг расплакалась и поднялась к себе наверх. Она не слышала, как тетка Ануш, глядя ей вслед, сказала с усмешкой:

– Лиса, ох, лиса...

Мисак ответил ей:

– Не путай, Ануш, слышишь? Не путай, говорю! Это тебе не Тамар, не устраивай судилище. Знай, когда нужно держать рот на замке... На небе есть Бог, хоть в этот раз побойся Его!

А Ануш продолжала, будто не расслышав этих слов:

– Вон как забегала, будто курица, потерявшая яйцо! Как же, скоро муж должен с работы вернуться, надо же себя показать перед ним. Ей еще невдомек, что муж-то вислоухий дурак! Ничего, придет время, поймет и это, а потом – вспомните меня! – она заставит нас всех плясать, все в доме приберет к рукам.

– Тьфу! – плюнул в сердцах Мисак и, отвернувшись, пошел со двора, сердито ворча что-то невнятное. Он никак не мог понять, какая муха укусила Ануш в этот раз. Он мог лишь смутно догадываться, что это был страх...

---

⁶ Аджан – ласковое обращение (арм.).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Ануш жила в этом доме без малого тридцать лет. С Марьям они были родными лишь по отцу. Ануш родилась от первого его брака. Марьям – от второго, спустя лет двадцать. Сейчас Ануш было за восемьдесят. Когда-то у нее был свой дом, был хозяин в этом доме – Аршак Сейранян, председательствовавший в этом колхозе со дня его основания. Был и сын Гарегин. В армии он служил в танковых частях, и когда в октябре пятьдесят шестого года начались события в Венгрии, его танк подожгли в первые же дни и он сгорел заживо, не сумев выбраться из горящей машины. Подробности его гибели Ануш узнала лишь потом, получив письмо от единственного уцелевшего члена экипажа. После потери сына от разрыва сердца умер и муж – прямо на поле, во время сенокоса, хотя ни разу до этого ничем не болел. Ануш похоронила его так, как велит обычай. Отметила седьмой день, потом справила сороковины, а вечером, когда сельчане, отдав должное памяти покойного, разошлись по домам, она перемыла всю посуду в доме, искупалась сама, оделась во все чистое, пошла в хлев, вывела корову во двор, накинула веревку на одну из балок потолка и повесилась. Спасла ее случайность: один из участников поминок вернулся за своей фуражкой. Полумертвую женщину сельчане вынули из петли, с помощью одного дачника, оказавшегося медицинским работником, вывели, а потом избрали ее своим председателем.

Ануш председательствовала полгода, потом поняла, что не ее это дело. На волах возили, на волах молотили, а даже погонять этих волов было некому – одни женщины и дети да немощные старики, а мальчишки, чуть повзрослев, бежали в город за лучшей долей. Как раз тогда в село вернулся демобилизованный из армии Хачик Минасян. Ануш сдала ему колхоз и пошла работать на ферму.

– Какой из неграмотной бабы председатель? – сказала она.

Это была правда, грамоты ее хватало лишь на то, чтобы откладывать костяшки на счетах да ставить в нужном месте подпись. Деловые бумаги она еще могла кое-как прочесть, но составлять их просила учительницу местной школы.

Через год Хачика посадили в тюрьму за хищение колхозного имущества, а Ануш с фермы вернули в канцелярию, в этот раз председателем сельсовета. Там она трудилась два года, после чего общее собрание вновь назначило ее председателем колхоза, где она проработала, как в первый раз, всего полгода, пока в селе не появился первый образованный, по тем временам, свой же сельчанин – Мрав Арутюнян, закончивший сельскохозяйственный техникум в областном центре. Ануш пригляделась к нему и, убедившись, что землю он любит и работать умеет, с легким сердцем уступила свое место в правлении, а сама опять пошла на ферму. Работала до изнеможения, до головокружения, чтобы, придя домой, сразу же лечь спать, но и это не помогало. Едва она ложилась, как тени мертвых обступали ее: сын принимался играть на любимой кеманче⁷, а муж в тяжелых сапогах ходил по комнате, довольно поглядывая на жену: дескать, видишь, какого сына вырастили; курил толстую самокрутку и стряхивая пепел куда попало, только не в пепельницу. Ануш вскакивала, зажигала керосиновую лампу, выходила во двор и смотрела, как, утопая в снегу по самые колени, отец и сын распиливают толстые бревна, положенные на наспех сколоченные козлы, которые через полчаса тоже будут отправлены в печку. Наглядевшись, она с улыбкой возвращалась в дом, чтобы отчитать мужа за то, что не замечает пепельницы на столе. Потом останавливалась посреди комнаты и, схватившись за голову, пугаясь собственного голоса, шептала: «Наверное, я схожу с ума!»

---

⁷ Кеманча – восточный музыкальный инструмент.

Однажды ночью она пришла к сестре и призналась, что боится свихнуться. Марьям оставила ее у себя и больше не отпускала. Через год Ануш продала свой дом, а деньги отдала Мисаку, оставив себе лишь на похороны. Мисак же на эти деньги заново отстроил свой дом, выделив в ней свояченице одну комнату наверху, смежная с ней была отведена для гостей – ведь летом обычно приезжает много дачников.

Так сестры остались жить под одной крышей. И много лет Ануш пользовалась властью старшей в доме. Но, поскольку она не злоупотребляла этим, ее старшинство принималось всеми, начиная от Мисака, его жены, дочки и кончая Арсеном.

Но с годами приходила старость и убывала власть, оставалось лишь традиционное на Востоке, освященное веками уважение к седине, но и оно все больше и больше обретало новые формы, сбивая с толку старую женщину. Если раньше она могла при случае остудить молодых насмешливым: «Яйцо курицу учит...», то теперь лишь ворчала обреченно: «Грамотные стали, все знают...» И эти изменения с каждым годом были ощутимее, а примириться с ними становилось все труднее. Ануш все чаще слышала, в общем-то, верные слова: «Ты – старая женщина, зачем тебе вмешиваться в дела, ешь, пей и спи, что тебе еще надо?» Она постепенно замыкалась в себе, чувствовала себя одинокой, никому не нужной, а жаловаться было некому, потому что знала: будут вздыхать, будут делать вид, что сочувствуют, а на самом деле так и не поймут, что ей еще надо... Крыша над головой есть, кушать, пить дают, а помрешь – похоронят как надо, не забудут, не бойся. И выходило, что единственная забота стариков – сделать так, чтоб их не забыли похоронить...

Когда Арсен, будучи в отпуске, написал домой, что на днях приезжает с молодой женой, само собой, возник вопрос: куда поместить молодых, и столь же естественно было решено отдать им верхние две комнаты. В общем-то, все было по справедливости: в одной из нижних комнат будут спать сестры, в другой – Мисак. Так решила Марьям, и все согласились с ней, и никто не спросил мнения Ануш (много ли старухе надо – ешь, пей, спи; слава Богу, и крыша над головой есть, и кровать с постелью!). Ануш ничего не сказала, хотя могла бы напомнить о том, что именно благодаря ей, ее деньгам дом был расширен, и одна комната, по справедливости, должна бы принадлежать ей. И ей было не все равно, где жить – наверху или внизу. Наверху она была у себя, в своей комнате, принадлежащей ей по праву, в то время как внизу она была у чужих, пусть даже это родная сестра. Но ее об этом не спросили и она ничего не сказала, просто молча помогла сестре перенести вещи вниз, но острое чувство обиды и боли сжало сердце. Она поняла, что находится в полной зависимости от этих людей, почувствовала шаткость своего положения в этом доме. И постепенно в ее душу проник страх, страх перед той молодой женщиной, которая приезжает сюда как хозяйка, как полноправная хозяйка, которая отныне вольна решать ее собственную судьбу. Захочет – выгонит из дому, что ей Ануш! А захочет – голодом уморит... Старики всегда в тягость молодым, даже своим, а уж чужим и подавно...

Так, еще не увидев Елену, Ануш уже боялась ее, а там, где страх, там и ненависть, которая нередко ослепляет человека...

Вечером, когда пришел Арсен, никто не сказал ему о произошедшем. Но поскольку тетка не вышла к ужину, он понял: что-то случилось. Он не стал допытываться, решив: если что-то серьезное, сами скажут. Но позднее, когда Арсен поднялся к себе, не удержался:

– Что-нибудь случилось?

– Ничего, – сказала Елена.

Но некоторая натяжка в голосе жены от Арсена не укрылась.

– Ладно, Лена, выкладывай, что у вас произошло? Я уже кое-что знаю. Отец рассказал.

– Да ну, глупости! – сказала Елена, беря с подоконника Машку. – Утром я пошла за водой, и на обратном пути Рубен Григорян подвез меня на своем мотоцикле. Маме это почему-то

не понравилось. Ну я и пошла, извинилась перед ней, обещала, что больше этого не повторится. Вот и все.

– Здесь к таким вещам относятся строго, так что ты...

– Да, я знаю, Арсен, просто из головы как-то выскочило... У вас тут для молодых женщин столько запретов... всего и не упомнишь.

– В соседнем селе Атерк, отсюда видно это село, у подножья Мрава-сар, муж Тигран, поверив слухам, приревновал свою жену к бригадиру полеводов. Проследив, увидел, как на кукурузном поле у реки Тартар этот бригадир любезничает с его женой. Незаметно, подойдя сзади, ударил ножом в спину, затем заставил жену рыть могилу, а сам смотрел и курил. Потом убил жену тоже, закопал вместе. Вся деревня искала их, любопытно, что Тигран тоже искал с ними. Потом тот, который это случайно видел, описал все на клочке бумаги и бросил у магазина, на видном месте. Посадили Тиграна, и не только его, а всю родню: брата, сестру, по моему, даже родителей, такой строгий закон был тогда. Так что...

– Какой ужас.

Арсен обнял ее за плечи.

– Да, запретов у нас хватает, а где их мало? – сказал он, отбирая у нее Машку и ставя на подоконник. – Подождет твоя Машка, нечего ей околачиваться между мной и тобой. Послушай, а тетка чего не вышла к ужину?

– Тетка? Я не знаю. Она была с мамой, когда я подошла извиняться. Но она ничего не сказала. И айрик был там. Может, они после меня о чем-то говорили. Не знаю.

– Понятно, – усмехнулся Арсен. Он выпустил ее из объятий, прошелся по комнате, потом остановился, щелкнул пальцем Машке по носу. Машка тренькнула, покачалась, но устояла.

– Знаешь, Лена, по-моему, тебе надо все-таки поступить на работу. Тебе же спокойнее будет.

Елена обрадовалась.

– Господи, да хоть сейчас! Я и так чувствую себя дармоедкой.

– Не говори глупости, – резко произнес Арсен.

Елена смутилась.

– Ну что ты, я же шучу...

И правда, она не могла взять грех на душу, подумав, что кто-то в этом доме хотя бы раз попрекнул ее куском хлеба. Она знала, что никому здесь в голову не могла прийти подобная мысль. Более того, если кто-то в доме узнает о том, что она чувствует себя лишним едоком, то выйдет нешуточная обида. И дело, в общем-то, не в том, что Елена сидела сложа руки, работы в доме всегда всем хватает. Дело в другом: той пресловутой крестьянской прижимистости, о которой немало говорят и пишут, в этом доме Елена не заметила. От лишнего не откажутся, но и жертвовать ради него своим добрым именем тоже не станут – нигде ни одного замка. В доме все распахнуто настежь. И это не ради показной «души нараспашку» (не с чего ей быть показной, каждый в доме работает в поте лица, и лишнего им никто не дает), и не от равнодушия или безалаберности. Когда трудишься от зари до зари в холод и зной, не очень-то равнодушно отнесешься к заработанному, просто они считали унижительным для себя, недостойным припрятывать добро по углам из боязни, что на него кто-то позарится. Только один замок увидела Елена – на большом деревянном ларе, где хранятся плотницкие и слесарные инструменты. Да и этот замок повесили уже при ней, после того как Ануш отдала кому-то из сельчан топор и забыла кому, а сельчанин так и не вернул его. Один ключ хранится у свекра, другой – у Арсена. Женщины доступа к этому ларю не имеют, да и нечего им там делать.

Так что работать Елене хотелось не потому, что она стремилась к материальной независимости, а по другим причинам. Во-первых, это душевное спокойствие, которое она старалась сохранить во что бы то ни стало, потому что видела: в доме она становится слишком приметной фигурой и каждый ее шаг невольно берется на заметку. А во-вторых, молодой женщине

жить в селе и ничего не делать – такое не часто встретишь. И наконец, сто рублей на дороге не валяются, в доме они очень даже пригодятся.

– Но ведь та женщина из детского сада еще не ушла в декрет.

– Ушла, – сказал Арсен. – Вчера ушла. Поэтому и говорю. Утром пойдем к директору, там потолкуем.

Наверное, на следующее утро им не следовало так просто встать и отправляться к директору. Но тут уж был виноват Арсен. Когда Елена сказала, что надо бы сперва посоветоваться со старшими, он раздраженно ответил:

– Я давно уже не в том возрасте, когда по каждому поводу спрашивают разрешения у старших. Когда слишком часто спрашиваешь, старшие привыкают к этому.

Елена была бы неискренней, если б сказала, что ей не понравились слова мужа (уж слишком часто он не вмешивается во взаимоотношения Елены с домочадцами из боязни обострить их), тем не менее она попыталась образумить Арсена – не столько потому, что он мог навлечь на себя недовольство родных, которых он, к слову, уже приучил к мысли о том, что все делает советуясь с ними, сколько из страха, что такое же «самовольство» ей же и выйдет боком. Мать есть мать, сыну она простит любое самовольство, а вот ей, «соучастнице», а то и «подстрекательнице»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.